Коробка в форме сердца

Автор:
Джо Хилл

Коробка в форме сердца

Джо Хилл

Fanzon. Джо Хилл. Принц ужасов

Стареющая эгоцентричная рок-звезда Иуда Койн питает слабость к жутким диковинкам. В его домашней коллекции имеются рисунки печально известного серийного убийцы Джона Уильяма Гейси, трепанированный в XVI веке череп, петля висельника, шахматная доска, за которой играл в детстве сам Алистер Кроули, и так далее, и когда секретарь сообщает ему о призраке, выставленном кем-то на продажу с интернет-аукциона, он немедля делает ставку и приобретает лот.

Действительно, в черной коробке в форме сердечка, доставленной Койну по почте, обнаруживается не только черный костюм мертвеца, но и дух умершего, жаждущий мести. Как выясняется, призрак – покойный приемный отец одной из его юных фанаток, покончившей с жизнью после того, как пятидесятичетырехлетний Койн бессердечно воспользовался ею и вышвырнул за порог. Задавшийся целью погубить Койна, а заодно любого, отважившегося ему помочь, неумолимый дух Крэддока Макдермотта начинает штурм разума старого рок-музыканта…

Джо Хилл

Коробка в форме сердца

Joe Hill HEART-SHAPED BOX

Copyright © 2007 by Joe Hill Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers Author of the illustration and cover project: Dark Crayon Illustration was ?rst used on Polish edition of Heart Shaped Box, published by Albatros Publishing House, Warsaw, Poland

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Папе, одному из лучших

Откуда у мертвеца взяться цели?

Алан Мур, «Глас огня»

Черный пес[1 - Названия всех четырех частей повторяют названия песен популярных рок-групп: «Black Dog» (гр. «Led Zeppelin»), «Ride On» (гр. «AC/DC»), «Hurt» (гр. «Nine Inch Nails») и «Alive» (гр. «Pearl Jam»). Сам роман также назван в честь песни группы «Nirvana», «Heart-Shaped Box». (Здесь и далее – прим. переводчика.)]

1

Коллекцию Джуд собрал неплохую. И необычную.

На стенах студии вперемежку с платиновыми дисками висели заключенные в рамки портреты Семи Гномов, нарисованные Джоном Уэйном Гейси в тюрьме и присланные ему. Золотой век студии Диснея нравился Гейси разве что самую малость меньше насилия над детишками и разве что самую малость меньше альбомов Джуда.

Еще имелся в коллекции Джуда череп крестьянина со спиленным аж в шестнадцатом столетии теменем, чтобы изгнать прочь демонов. Теперь из круглого отверстия посреди черепной коробки торчал внушительный пучок ручек.

Была у него также трехсотлетней давности повинная за подписью самой настоящей ведьмы. «Сим презнаю что вела разгаворы с кабелем чорной масти, и сулил он мне по маей указке каров травить, а лашадей вгонять в бешенство, а на детишек хворь насылать, если душу ему за то запродам, и сказала я да, а после того давала ему грудь сосать». За этакие проделки ведьму, конечно, сожгли живьем.

Были у него и задубевшая, порядком излохмаченная веревочная петля, на которой кого-то повесили в Англии на рубеже девятнадцатого столетия, и шахматная доска, за которой ребенком играл Алистер Кроули, и снафф – фильм с настоящим, без дураков, убийством. Из всех экспонатов в коллекции Джуда этот последний внушал ему больше всего тревог. Достался фильм Джуду от одного полицейского, подрабатывавшего охранником на некоторых концертах в Лос-Анджелесе. Коп называл фильм «порченым», причем в его голосе слышался неподдельный энтузиазм. Просмотрев презент, Джуд убедился: да, так и есть. Фильм вправду производил впечатление крайне нездоровое, а еще, пусть не прямо, а косвенно, ускорил разрыв с женой, однако избавляться от него Джуд не спешил.

Многие из предметов в его собрании всевозможных жутких диковинок ему прислали фанаты. Сам-то он для коллекции редко что покупал, но когда Дэнни Вутен, его личный помощник и секретарь, сообщил, что в интернете выставлен на продажу призрак, выходец с того света, и спросил, не желает ли Джуд

приобрести его, на размышления Джуду не потребовалось ни секунды. Все равно как зайдя куда-нибудь перекусить, услышишь от официанта про блюдо дня и сразу понимаешь: его-то тебе и хочется, и даже в меню заглядывать ни к чему. Бывают на свете прихоти, не требующие раздумий.

Кабинет Дэнни занимал относительно новую пристройку к северо-западной стороне Джудова дома – обширного стодесятилетнего сельского особняка. Кондиционеры, мебель из «Офис-Макс», ковролин цвета кофе со сливками – все это придавало кабинету особый холодный, безликий вид, не имеющий ничего общего с остальными комнатами. Если б не концертные плакаты в рамках из нержавейки, офис секретаря вполне мог бы сойти за приемную дантиста средней руки. На одном из плакатов красовалась стеклянная банка, битком набитая глазными яблоками с окровавленными пучками нервных волокон, торчащих сзади, – память о гастролях с программой «Каждый взгляд на тебе».

Об этой пристройке под секретарский офис Джуд пожалел сразу же по ее завершении. Конечно, всякий раз ездить по сорок минут из Пайклиффа до съемного офиса в Покипси, чтоб присматривать за делами, ему нисколько не улыбалось, однако тогда Дэнни Вутен хоть не торчал бы прямо под боком. Здесь, в доме, Дэнни и его хлопоты оказались слишком уж близко. Из кухни Джуд слышал, как в его кабинете звонят телефоны, порой оба сразу, будто с цепи сорвавшись, и раздражал их звон – словами не передать. Новых альбомов он не записывал вот уже сколько лет, и вообще почти не работал с тех самых пор, как умерли Джером с Диззи (а вместе с ними и группа), а телефоны все звонят да звонят! Казалось, его окружает со всех сторон толпа посетителей, требующих его времени, не говоря уж о неисчерпаемых скопищах юридических и профессиональных запросов, соглашений, контрактов, промоушенов, выступлений – трудов «Иуда Койн Инкорпорейтед», несть им конца, а между тем у себя дома ему хотелось бы быть не медийной персоной, не торговым знаком, самим собой!

Как правило, в другие части дома Дэнни нос не совал. При всех своих изъянах, к границам личного пространства Джуда он относился бережно, однако Джуда, забредшего в кабинет, считал своей законной добычей – а в пристройку Джуд, хоть и без особого удовольствия, заглядывал по четыре-пять раз на дню. Через секретарский офис пролегал самый короткий путь к сарайчику для собак. Конечно, Джуд мог бы избежать столкновений с Дэнни, выходя наружу через парадное крыльцо и огибая дом, но прятаться в собственном доме от какого-то Дэнни Вутена решительно не желал.

Кроме того, Джуду просто не верилось, что у Дэнни всегда отыщется с чем к нему привязаться, однако тот всякий раз что-нибудь да находил. А если дел, срочно требующих внимания, под рукой не случалось, непременно желал поболтать. Родился и рос Дэнни в Южной Калифорнии и болтать мог хоть целый день напролет. К примеру, расписывая совершенно незнакомому человеку всю пользу от употребления в пищу пророщенной пшеницы, вплоть до того, что дерьмо с нее благоухает, будто свежескошенный газон. Или – в свои-то тридцать – затеяв с парнишкой – доставщиком пиццы треп о скейтах и приставках «PlayStation», точно четырнадцатилетний.
Или разоткровенничавшись насчет сестры, еще девчонкой словившей передоз героина, и о том, как сам, еще молодым, первым наткнулся на тело покончившей с собой матери перед механиком, явившимся чинить кондиционер. Смутить его хоть чем-либо не представлялось возможным. Что такое смущение, Дэнни просто не знал.

Вот и в тот раз Джуд, покормив Ангуса с Бон и возвращаясь в дом, на полпути через его сектор обстрела уже было подумал, что уйдет из офиса невредимым, но тут Дэнни окликнул его:

– Эй, шеф, глянь-ка!

Именно с этой реплики Дэнни начинал почти всякое требование внимания, и Джуду она, прелюдия к получасу впустую убитого времени, заполнения бланков и чтения факсов, неизменно внушала ужас и отвращение. Однако услышав от Дэнни «тут в интернете призрака продают», он немедля забыл обо всей к нему неприязни, обошел секретарский стол и склонился над плечом Дэнни к экрану его компьютера.

Призрака Дэнни откопал на каком-то сайте с онлайн-аукционами, одном из многочисленных закосов под «и-Бэй». Джуд заскользил взглядом по описанию лота, а Дэнни принялся читать то же самое вслух. Дэнни… позволь ему, он бы Джуду и бифштексы за столом резал. Имелась в нем этакая угодливость – черта, которую Джуд в мужиках, честно сказать, считал омерзительной.

– «Выставляю на торги призрак отчима, – читал Дэнни. – Полтора месяца тому назад скоропостижно, для всех неожиданно, скончался мой престарелый приемный отец. Жил он в это время у нас. Собственного дома отчим не имел, а ездил по родственникам: погостит месяц-другой у одних и едет к следующим. Смерть его потрясла всех, а особенно мою дочь, крепко с ним подружившуюся.

Кто б мог подумать! До последней минуты отчим был бодр, полон сил. У телевизора штанов не просиживал. Каждый день выпивал по стакану апельсинового сока. Даже зубы собственные все до единого сохранил».

– Стебется кто-то, – хмыкнул Джуд. – Приколисты, мать их…

– Нет, вряд ли, – возразил Дэнни и продолжал: – «Спустя два дня после похорон моя малышка увидела его сидящим в гостевой спальне, прямо напротив ее собственной. Теперь девочка наотрез отказывается оставаться одна в своей комнате и вообще подниматься наверх. Сколько я ни втолковывала, что дедушка ей ничего дурного не сделает, она отвечает: глаза у него страшные. Черным, говорит, сплошь замазаны, и смотреть в них, в эти каляки-маляки, теперь нельзя. И потому спит теперь только со мной.

Поначалу я думала, она просто страшилок себе насочиняла, но нет, тут дела посложней. В гостевой спальне все время холодно. Я там поглядела, пошарила и заметила, что холоднее всего в шкафу, где висит его воскресный костюм. Отчим хотел, чтоб в этом костюме его и похоронили, но в похоронном бюро оказалось, что костюм неладно на нем сидит. После смерти люди слегка съеживаются, вода в них высыхает, а потому лучший костюм сделался ему слишком велик. Пришлось нам уступить уговорам служащих из похоронного бюро и купить один из тех, что они предложили. Сама не знаю, зачем их послушала.

А позапрошлой ночью проснулась я и услышала, как отчим расхаживает наверху. Кровать в его спальне, сколько ни заправляй, вечно смята, дверь в любой час то отворяется, то с маху захлопывается. Кошка наша тоже наверх больше не ходит, а иногда сидит у нижней ступеньки лестницы и смотрит на что-то, чего мне не видать. Посмотрит-посмотрит, взвоет, как будто ей хвост прищемили, и удирает прочь со всех ног.

Приемный отец всю жизнь увлекался спиритизмом и, я уверена, вернулся только за тем, чтоб объяснить моей дочери, что со смертью ничто еще не заканчивается. Но дочке всего одиннадцать, ей жить нужно нормально и спать в собственной комнате, а не в моей. Остается одно: поискать папе новый дом. Желающих верить в загробную жизнь на свете – хоть пруд пруди, а у меня и наглядное доказательство тут, под рукой.

Призрак отчима я «продам» тому, кто даст большую цену. Конечно, душу на самом деле продать невозможно, но, по-моему, он переберется к вам и останется с вами, только половичок с приглашением – «Добро пожаловать!» – выложите за порог. Как я уже говорила, у нас он гостил временно, собственного дома не имел, а значит, наверняка охотно переселится туда, где ему будут рады. Не подумайте, будто это фокус какой или розыгрыш, будто я ваши деньги заберу просто так. За свои деньги победитель торгов получит кое-что вполне осязаемое: ему достанется тот самый воскресный костюм. По-моему, если дух приемного отца к чему-нибудь и привязан, то только к нему. Больше не к чему.

Сам костюм очень милый, старомодный, от «Грейт Вестерн Тейлоринг», в тонкую серебристую полоску! – …и такой, и разэтакий, ну, это ладно… – на атласной подкладке»… – и бла-бла-бла, а вот это…

Оборвав чтение, Дэнни ткнул пальцем в экран.

– Глянь на размеры, шеф! В точности твои, как влитой сядет. Высшая ставка – восемьдесят баксов. Похоже, собственный призрак встанет тебе всего в сотню, если захочешь.

– Давай купим, – ответил Джуд.

– Серьезно? Повысить ставку до сотни?

Сощурившись, Джуд взглянул на экран чуть ниже описания лота, на кнопку с надписью: «Купить без торга: $1000». Еще чуть ниже значилось: «Нажмите здесь, и лот ваш».

Джуд, указав на кнопку, постучал ногтем по стеклу.

– Ну их, все эти ставки. Заплатим косарь, да и дело с концом, – сказал он.

Дэнни крутанулся в кресле, осклабился, высоко поднял брови. Круто изогнутыми, выразительными, точно у Джека Николсона, бровями он играл мастерски. Быть может, Дэнни ждал объяснений, однако с чего ему показалось разумным выложить тысячу долларов за старый костюм, наверняка не стоящий и двух сотен, – этого, Джуд, пожалуй, не смог бы объяснить даже себе самому.

Спустя какое-то время ему пришло в голову, что внимание подобная выходка привлечет неплохо: «Иуда Койн приобрел ручное привидение»… фанаты такие истории хавают на ура. Однако эта мысль родилась уже после, а поначалу Джуду просто захотелось, чтоб призрак достался ему, и все тут.

Подумав, что надо бы подняться наверх, поглядеть, не оделась ли Джорджия, Джуд двинулся дальше. Одеваться он ей велел битых полчаса назад, но ожидал застать еще в постели. Нутром чуял, что Джорджия намерена там и остаться, пока дело не дойдет до скандала – на который она, собственно, и нарывается. Наверняка до сих пор сидит в одном исподнем, старательно красит ногти на ногах черным лаком. Или, с ноутбуком на коленях, шарит по сайтам с готскими побрякушками в поисках очередной «штанги» покрасивее, как будто мало у нее в языке, да и в прочих местах, этих треклятых железок…

И вот тут мысли о зависании в интернете заставили Джуда, задумавшись кое о чем, остановиться и обернуться к Дэнни.

– Слышь, а как ты наткнулся на эту штуку? – спросил он, кивком указав на компьютер.

– Нам о ней на и-мейл написали.

– Кто?

– Эти, с аукционного сайта. Прислали и-мейл, а там сказано: «Поскольку прежде вы приобретали нечто похожее, мы полагаем, вас заинтересует также…» Ну, как обычно.

– А мы покупали что-то похожее?

– Наверное, какие-нибудь оккультные штуки. О них и речь.

– Я в жизни ничего с этого сайта не покупал.

– Может, купил, да просто забыл. А может, это я покупал тебе что-нибудь.

– Кислота эта, мать ее… – проворчал Джуд. – Хорошая ж память когда-то была. Школьником меня даже в шахматный клуб приняли.

– Тебя – в шахматный?.. Хрена-се. Вот не подумал бы.

– Что я шахматами мог увлекаться?

– Ага. Шахматы – это же… для ботаников, мозгами повернутых.

– Верно. Только я человечьими пальцами вместо пешек играл.

Дэнни расхохотался – чуточку переигрывая, напоказ содрогаясь от смеха, утирая с глаз воображаемые слезы. Жополиз мелкий.

2

Костюм привезли в субботу утром, в самую рань, однако Джуд уже поднялся и гулял с собаками во дворе.

Едва фургончик с эмблемой «Ю-Пи-Эс» затормозил, Ангус вырвал из руки Джуда поводок, стрелой метнулся к машине, запрыгал, брызжа слюной, принялся скрестись в дверцу с водительской стороны. Водитель, как ни в чем не бывало сидевший за рулем, взглянул на пса безмятежно, но пристально, словно доктор, изучающий под микроскопом новый штамм Эболы. Подхватив поводок, Джуд – малость сильнее, резче, чем собирался, – дернул ремешок на себя. Ангус опрокинулся на бок, в пыль, но тут же извернулся, вскочил, зарычал, изготовившись к бою. Между тем Бон тоже, туго натянув поводок, рванулась к фургончику, залаяла так пронзительно, бешено, что у Джуда заныло в висках.

Тащить собак к сарайчику, в вольер, было далековато, и потому Джуд отволок отчаянно сопротивлявшихся Ангуса с Бон через двор к парадному крыльцу, с трудом запихнул их внутрь и захлопнул дверь. Собаки, захлебываясь истерическим лаем, немедля принялись рваться наружу, да так, что дверь загремела, затряслась под ударами лап. Твари безмозглые, мать их…

Нога за ногу Джуд вернулся к воротам и подошел к фургончику «Ю-Пи-Эс». В тот же миг задняя дверца машины с металлическим лязгом распахнулась,

и на подъездную дорожку спрыгнул парнишка-рассыльный с длинной плоской коробкой под мышкой.

– А Оззи Осборн померанских шпицев дома держит, – сообщил парнишка из «Ю-Пи-Эс». – Я по телику видел. Маленькие такие, милые, как домашние кошки. Вам не приходило на ум парой таких же милых собачек обзавестись?

Джуд, не ответив ни словом, принял у него коробку и ушел в дом.

Добравшись до кухни, он положил коробку на стол и налил себе кофе. Вставал Джуд рано – и уродился таким, и жизнь приучила. Конечно, в разъездах или во время записи новых альбомов он попривык отправляться на боковую около пяти утра и дрыхнуть чуть не до темноты, однако естественной такая ночная жизнь ему никогда не казалась. На гастролях, проснувшись в четыре часа пополудни в дурном настроении, с раскалывающейся головой, он вечно недоумевал: куда подевалось время? В такие минуты все знакомые казались Джуду хитрыми притворщиками, бесчувственными пришельцами из космоса в резиновых костюмах и масках друзей. Чтобы они вновь показались самими собой, требовалось изрядно принять на грудь.

Вот только на гастроли он не выезжал уже три с лишним года, а дома к выпивке почти не тянуло, и чаще всего к девяти вечера Джуд был готов лечь спать. Так, в пятьдесят четыре он снова вернулся к режиму, в котором еще мальчишкой по имени Джастин Ковзински жил на свиноферме отца. Отец, козлина неотесанный, с восходом солнца обнаружив Джастина под одеялом, не задумываясь, выдернул бы его из постели за волосы. В детстве его со всех сторон окружали грязь, лай собак, колючая проволока, обветшалые сараи, визжащие свиньи с шелушащейся кожей и влажными сплюснутыми пятачками, а людей, кроме матери, целыми днями сидевшей за кухонным столом, бессмысленно, тупо, точно жертва лоботомии, таращась в окно, и отца, правившего принадлежавшими их семейству акрами свиного дерьма да развалин при помощи злобного смеха и кулаков, он, можно сказать, тогда почти и не видел.

Одним словом, поднялся Джуд уже давно, не час и не два назад, однако еще не позавтракал и начал было жарить бекон, но тут в кухню явилась Джорджия – в одних только черных трусиках, руки скрещены на белых, украшенных пирсингом грудках, черные волосы торчат над головой беспорядочной мягкой копной. На самом деле звалась она вовсе не Джорджией. И не Морфиной, хотя

под этим именем два года выступала в стрип-шоу. Звали ее Мэрибет Кимболл – так просто, так незатейливо, что, рассказав об этом Джуду, она рассмеялась, будто стесняясь собственного имени.

Подружек-готок, выступавших в стриптизе либо гадавших, а то и совмещавших гадание со стриптизом, симпатичных девчонок с анхами на груди, красивших ногти черным, у Джуда перебывало великое множество, и всех их он звал не по именам – по названиям родных штатов, и этот обычай редко кому досаждал: к чему лишний раз вспоминать себя прежней, той самой, которую старательно прячешь под макияжем а-ля ходячий труп? Этой, Джорджии, недавно исполнилось двадцать три.

– Провались эти идиотские псины, – проворчала она, отпихнув пяткой с дороги одну из собак, в восторге от аромата бекона вьюнами вившихся вокруг Джудовых ног. – Поспать, блин, не дали.

По собственной воле Джорджия просыпалась самое раннее в десять.

– Так, может, вставать, блин, давно пора? Такой мысли тебе в голову не приходило?

Джорджия, не ответив, сунула голову в холодильник и потянулась за апельсиновым соком. На удивление белую задницу под глубоко впившимися в нее тесемками трусиков Джуд оглядел с удовольствием, но как только подруга принялась пить сок прямо из пакета, тут же отвел взгляд. Ну вот, еще и пакет оставила на столе – не уберешь за ней, так сок и скиснет.

Конечно, обожанию готок Джуд был рад, а сексу с ними – стройными, сильными, татуированными, всегда готовыми испробовать что-нибудь новенькое, необычное – тем более. Однако в прошлом он был женат на женщине, которая пила сок из бокала, а напившись, возвращала пакет в холодильник. За завтраком она читала утренние газеты, и как же ему теперь не хватало разговоров с ней – разговоров двух взрослых людей! В стрип-шоу она не выступала, в гадания не верила, как взрослому человеку и полагается.

Между тем Джорджия, взрезав коробку ножом для стейков, оставила на столе и нож с налипшими на него обрывками клейкой ленты.

– Что это? – спросила она.

В первой коробке обнаружилась вторая. Внутри она сидела довольно плотно, и вытащить ее Джорджии удалось не сразу. Большая, блестящая, черная, эта коробка имела форму сердечка. Бывает, в похожих продают конфеты, но не в таких же огромных – и, кстати, не в черных, а в розовых или на худой конец желтых. Такая упаковка куда больше подходит для тонкого женского белья… вот только Джуд для Джорджии ничего подобного не заказывал и озадаченно сдвинул брови. Он представления не имел, что может оказаться внутри, но в то же время чувствовал: а ведь должен, должен бы знать, так как ждет вещи, уложенной в эту чудну?ю коробку, уже не первый день.

– Это мне? – спросила Джорджия.

Сковырнув крышку, она вынула то, что лежало в коробке, расправила, подняла перед собой. Костюм… Кто-то прислал ему костюм. Черный, из тех, каких давно уж не носят… а прочих подробностей под пластиковым пакетом из химчистки не разглядеть. Взяв пиджак за плечи, Джорджия приложила его к телу, будто платье, которое собирается примерить, но вначале хочет услышать мнение Джуда – пойдет ей или как: взгляд вопросительный, бровки мило наморщены… а Джуд все никак не мог сообразить, откуда этот костюм, от кого.

Открывая рот, он собирался ответить: сам, мол, без понятия… но, к собственному удивлению, проговорил:

– Да это ж костюм мертвеца…

– Что?

– Привидение, – пояснил Джуд, по ходу дела вспомнив обо всем. – Призрака я купил. Какая-то баба вбила себе в голову, будто ее преследует умерший отчим. И потому выставила его беспокойный дух в интернет, на продажу, а я приобрел за косарь. А это его костюм. Она думает: может, в него-то дух отчима и вселился.

– Ух ты! Круто! – воскликнула Джорджия. – Носить будешь?

И снова Джуд здорово удивился себе самому: вмиг онемевшее, покрывшееся гусиной кожей его собственное тело сделалось странным, чужим, а походя поданная Джорджией мысль показалась похабной до отвращения.

– Нет, – холодно, равнодушно ответил он.

Во взгляде Джорджии мелькнуло удивление, на губах заиграла усмешка, и Джуд понял, что выглядит… нет, не испуганным, но будто слегка дрогнул сердцем.

– Размер не мой, – добавил он, хотя, судя по костюму, при жизни неупокоившийся почти не отличался от него ни ростом, ни телосложением и весил примерно столько же.

– Тогда, может, я поношу, – решила Джорджия. – Во мне самой от мятежного духа кое-что есть. И смотреться я в мужском костюме буду – просто улет.

Опять отвращение, опять мурашки по коже… Нет, нечего Джорджии в нем ходить. Перебьется. Джуду уже от того, что она шутит насчет этого, сделалось не по себе, а уж рядиться в костюм мертвеца… В эту минуту Джуд даже представить себе не мог ничего мерзопакостнее, пусть даже сам не знал почему.

А ведь все это кое-что да значило. Таких вещей, чтоб Джуда от одних мыслей о них коробило, на свете существовало не слишком-то много. Испытывать отвращение он не привык и кощунства совсем не чуждался: кощунство неплохо кормило его вот уже три десятка лет.

– Повешу где-нибудь наверху. Пусть повисит, пока не придумаю, что с ним делать, – с не слишком-то правдоподобной небрежностью сказал он.

Заинтересовавшаяся внезапным сбоем его обычного самообладания, Джорджия смерила Джуда взглядом и сдернула с костюма пластиковый пакет из химчистки. На свету пуговицы пиджака ярко блеснули серебром. Сам костюм был строг, черен, будто воронье перо, но пуговицы – каждая величиной с четвертак – придавали ему слегка простоватый, этакий деревенский вид. К нему еще галстук-ленточку, и в чем-то подобном вполне мог бы выйти на сцену, скажем, Джонни Кэш[2 - Американский певец и композитор-песенник, один из самых известных в США XX века исполнителей кантри.].

Вдруг Ангус, разразившись визгливым паническим лаем, полуприсел на задних лапах, поджал хвост и попятился от костюма прочь.

Джорджия расхохоталась.

– Похоже, в нем вправду дух мертвеца обитает!

С этими словами она взмахнула костюмом из стороны в сторону, подняла его перед собой и двинулась на Ангуса, точно матадор с плащом – на быка. Приблизившись к псу вплотную, Джорджия испустила утробный, хриплый, протяжный стон бродячего призрака, глаза ее так и заблестели от удовольствия.

Опрометью шарахнувшись от нее, Ангус врезался задом в табурет у кухонного стола, и табурет с оглушительным грохотом опрокинулся на пол. Бон, прижав уши, взирала на все это из-под старой, сплошь в пятнах запекшейся крови, плахи для рубки мяса. Взглянув на нее, Джорджия снова залилась смехом.

– Завязывай, нах, – велел Джуд.

Джорджия бросила на него мерзкий, исполненный извращенного удовольствия взгляд – взгляд мальчишки, жгущего муравьев лупой, – но тут же скривилась от боли, вскрикнула, выругалась и схватилась за правую руку, а костюм отшвырнула на кухонный стол.

О плитки пола – «кап» – звонко разбилась ярко-алая капелька крови, сорвавшаяся с подушечки ее большого пальца.

– Козлы, блин… булавок тут понатыкали, – буркнула Джорджия.

– И правильно. Не хватай, чего не просят.

Злобно сверкнув на Джуда глазами, Джорджия показала ему средний палец и двинулась к выходу. Как только она скрылась за дверью, Джуд поднялся, убрал в холодильник сок, нож бросил в раковину, потянулся за полотенцем, чтоб вытереть с пола кровь… но тут его взгляд упал на костюм, и он разом забыл, что собирался сделать.

Расправив костюм, Джуд сложил рукава пиджака на груди, осторожно ощупал ткань, но никаких булавок в ней не нашел, обо что Джорджия могла уколоться, не понял и аккуратно спрятал приобретение в коробку.

Тут в нос шибануло едкой вонью гари. Взглянув на плиту, Джуд раздраженно выругался: бекон в сковородке сгорел дочерна.

3

Коробку он запихнул в дальний угол верхней полки чулана, а всю эту историю решил выкинуть из головы.

4

Около шести вечера Джуд, возвращаясь через кухню в дом за колбасками для гриля, услышал шепот, доносящийся из офиса Дэнни.

Вздрогнув от неожиданности, Джуд разом остановился и замер. Дэнни уж больше часа как отбыл домой, а офис запер, так что внутри не должно было быть ни души. Склонив голову набок, Джуд прислушался, сосредоточился на негромком, с легким присвистом, голосе целиком… и тут же понял, в чем дело, а разгулявшийся было пульс крови в висках застучал куда медленнее.

В офисе никого не должно было быть – и не было. Говорило за дверью всего-навсего радио, это Джуд мог сказать точно. Низким ноткам явно не хватало низов, а голосу в целом – объема. Звуки ведь тоже имеют форму, да не какую-нибудь: любой звук отражает форму помещения, в котором рожден. К примеру, в голосе из колодца слышится гулкое, округлое эхо, а голос из шкафа звучит глухо, сдавленно, будто в лепешку сплюснутый. Музыка – это не только звук, но и геометрия, и сейчас Джуд слышал за дверью голос, упрятанный в ящичек. Просто Дэнни перед уходом приемник выключить позабыл.

Отворив дверь, Джуд заглянул в офис. Лампы внутри были погашены, и, как только солнце ушло за угол, кабинет заволокло синеватым сумраком. Худшая во всем доме офисная стереосистема, полный набор компонентов от «Онкио» в стеклянной стойке возле кулера, тем не менее намного

превосходила качеством большинство домашних стереоустановок. Табло ее мерцало яркими, неестественно зелеными (в тот же цвет окрашивают все вокруг приборы ночного видения) огоньками, все до единого, за исключением вертикальной рубиново-красной метки индикатора частоты, на которую настроено радио. Казалось, узкая, продолговатая, точно кошачий зрачок, метка завораживающе, не мигая, таращится прямо на Джуда.

– …И насколько ж холодной нынче выдастся ночь? – донеслось из динамиков. Резкий, шершавый, будто наждак, этот голос, судя по присвисту и одышке, принадлежал обладателю изрядного брюха. – Не придется ли нам с утра спотыкаться о примерзших к тротуару бомжей?

– Твоя забота о судьбах бездомных так трогательна, – откликнулся второй голос, чуть тоньше, пронзительней первого.

Передачу вела «WFUM» – станция, славившаяся особой любовью к группам, названным в честь смертельных заболеваний (вроде «Антракс»[3 - Сибирская язва (англ.).]) или степеней разложения (к примеру, «Рэнсид»[4 - Тухлятина (англ.).]), и диджеями, будто зацикленными на лобковых вшах, стриптизершах да унизительном глуме над неимущими, увечными и стариками. Еще она более-менее регулярно транслировала песни Джуда, отчего Дэнни и держал приемник стерео настроенным на ее волну, выказывая верность и в то же время льстя шефу. На самом деле Джуд подозревал, что музыкальных пристрастий, стойких симпатий и антипатий у Дэнни нет никаких, а радио для него просто шумовой фон, звуковой эквивалент узора на обоях. Работал бы он у Энии – с тем же самым энтузиазмом, отвечая на электронные письма и рассылая факсы, мычал бы под нос кельтские напевы.

С этими мыслями Джуд двинулся к стойке стерео, чтоб выключить приемник, однако, не сделав и пары шагов, остановился, будто придержанный собственной памятью за плечо. Около часа назад он гулял во дворе с собаками. Стоял в самом конце грунтовой петли для разворота, радуясь щиплющему щеки морозцу. Дальше по улице кто-то жег огромную кучу сухой осенней листвы, и легкий пряный дымок тоже радовал сердце.

Тут из офиса, на ходу надевая куртку, и вышел направлявшийся домой Дэнни. Перед его отъездом они поболтали пару минут – вернее сказать, Дэнни трепался без умолку, а Джуд молчал да присматривал за собаками, безуспешно стараясь настроиться на другую волну. Что-что, а нарушить приятную, безупречную

тишину – это за Дэнни Вутеном не заржавеет, можно не сомневаться.

Тишину… Да, точно: из офиса за спиной Дэнни не доносилось ни звука. Воронье карканье и энергичную, многословную трескотню Дэнни Джуд помнил великолепно, а вот чтоб радио в офисе играло, не припоминал. Будь приемник включен, голоса либо музыку Джуд бы, пожалуй, услышал: слух у него до сих пор не хуже, чем в молодости. Вопреки всем испытаниям, выпавшим на долю барабанных перепонок за последние тридцать лет. В то время как Джудов ударник, Кенни Морликс (из того, звездного, состава только они двое до сих пор и живы), заработал на сцене такой жуткий тиннит[5 - Ощущение постоянного шума в ушах, часто следствие долгого воздействия слишком громкого звука.], что жены собственной больше не слышит, хоть она надорвись, крича ему в самое ухо.

Джуд двинулся дальше, однако ему снова сделалось здорово не по себе. Отчего? Да от всего разом. Во-первых, полумрак секретарского кабинета, приемник, красным, неземным глазом таращащийся на все вокруг. Во-вторых, память, подсказывающая, что около часа назад, пока Дэнни, стоя в дверях, на пороге застегивал молнию куртки, приемник молчал. В-третьих, мысли о том, что в офис совсем недавно кто-то заглядывал, а может, все еще здесь, следит за Джудом из темного туалета – вон, и дверь слегка приоткрыта… параноидальные, нездоровые опасения, обычно Джуду не свойственные, однако ж в голове засевшие крепко. Уже не слушая диджеев, не сводя глаз с двери туалета, сам не зная, что будет делать, если дверь вдруг начнет отворяться, Джуд потянулся к кнопке питания стерео.

– …сухие заморозки, поскольку холодный фронт теснит теплый воздух на юг, – сказал из приемника синоптик, ведущий прогноза погоды. – Мертвый тянет живущего вниз. Вниз. В холод. В бездну. Где ты и умр…

Ткнув большим пальцем в кнопку питания, Джуд выключил стерео и только после этого понял суть сказанного. Изумленный, он вздрогнул, зябко поежился и снова ткнул в кнопку, чтоб вернуть голос синоптика и разобраться, что за чушь тот несет.

Однако синоптик с прогнозом уже покончил, а микрофоном в студии опять завладел тот же самый диджей:

– …все задницы тут отморозим, а Курт Кобейн греется себе в аду! Слушайте, врубайтесь!

Динамики разразились долгим гитарным запилом, пронзительным, колеблющимся стоном струн, лишенным и внятного мелодического строя, и какой-либо цели – разве что, может, до помешательства слушающих довести. «Нирвана», вступление к «Ненавижу себя и хочу умереть»[6 - «I Hate Myself and I Want to Die» (англ.).]… Может, к ней-то синоптик и вел, толкуя о смерти?

Джуд снова щелкнул кнопкой, и в кабинете сделалось тихо.

Сделалось… но ненадолго. За спиной Джуда – да так неожиданно, резко, что пульс вновь подскочил до небес, – взорвался звонком телефон. Гадая, кто может звонить на офисную линию в такой час, Джуд бросил взгляд на стол Дэнни, обогнул стол кругом и взглянул на экранчик определителя номера. Номер звонящего начинался с 985, до боли знакомого префикса восточной Луизианы, а следом за номером всплыла строка с именем: «КОВЗИНСКИ, М.».

Вот только Джуд, даже не снимая трубки, мог точно сказать: там, на том конце линии, никакой не Ковзински, М. Творить чудес медики еще не научились. Возможно, он оставил бы звонок без ответа, но тут ему пришло в голову, что звонящим может оказаться Арлин Уэйд с известием о смерти Мартина, а в таком случае поговорить с ней рано или поздно придется, хочет Джуд того или нет.

– Алло, – откликнулся он, подняв трубку.

– Привет, Джастин, – сказала Арлин.

Жена брата матери, Джуду она доводилась теткой, а еще имела диплом фельдшерицы, однако вот уже целый год с месяцем единственным ее пациентом был Джудов отец. В гнусавом, носовом голосе тетки отчетливо слышались все шестьдесят девять прожитых ею лет. Для нее Джуд до скончания века останется Джастином Ковзински и никем другим.

– Как поживаешь, Арлин?

– Я – как обычно, сам знаешь. Скриплю помаленьку на пару с псом. Хотя встает он уже нечасто: растолстел до полного безобразия при больных-то коленях. Однако звоню я не ради рассказов о нас с псом. Звоню я насчет твоего отца.

Как будто она могла позвонить зачем-то еще…

В наушнике трубки зашуршали помехи. Однажды Джуда интервьюировал по телефону какой-то радиоведущий из Пекина, а Брайан Джонсон звонил ему аж из Австралии, и связь была чистой, будто оба звонят из ближайшего уличного автомата. А вот звонки из Мурз-Корнер, Луизиана, по какой-то причине постоянно прерывались треском «белого шума», глохли, будто сигналы аналоговой радиостанции, чуток не добивающей до приемника. Голоса в трубке то и дело подрагивали, на пару секунд становились едва слышны, а после затихали совсем. Может, до Батон-Ружа и дотянули высокоскоростной интернет, но если живешь в крохотном городишке посреди болот к северу от озера Поншартрен, а без надежной высокоскоростной связи с миром тебе никак, бросай манатки в багажник, заливай бак под пробку и вали оттуда ко всем этим самым да не оглядывайся.

– Последние пару месяцев я его с ложки кормила. Жиденьким, что не нужно жевать. Звездочки эти мелкие, «Пастина», он очень любил. И крем заварной, ванильный. Ни разу еще не видела, чтоб умирающий отказался от заварного крема, перед тем как уйти за порог…

– Странно. Сладкого он, помнится, не любил. Не ошибаешься?

– Кто тут за ним приглядывает?

– Ты.

– Ну, так, наверное, мне и виднее.

– Согласен.

– А звоню я вот почему. Не ест он больше ни крема, ни звездочек – вообще ничего. Давится всем, что ему в рот ни сунь, проглотить не может. Вчера доктор Ньюленд заезжал посмотреть его и сказал, что подозревает новое нарушение

мозгового кровообращения.

– В смысле инсульт. Удар.

Пожалуй, то был не вопрос.

– Удар, но не из тех, что сразу с ног валят, и насмерть. Если б его снова такой хватил, то и вопросов бы не возникло. Смертельный исход, какие уж тут вопросы. А это – незначительное кровоизлияние, подобные не всегда и заметишь, особенно если пациент вроде твоего папаши только сидит да смотрит перед собой. Он ведь уже два с лишним месяца слова никому не сказал. И не скажет.

– Он где, в больнице?

– Нет. Здесь мы за ним ухаживаем не хуже, а то и лучше. Я живу у него, доктор Ньюленд с осмотром заглядывает каждый день. Но можем и в больницу отправить. Так оно выйдет дешевле, если тебе сэкономить нужно.

– Не нужно. Пускай в больнице сберегут койку для тех, кому это вправду на пользу пойдет.

– Вот с этим спорить не стану. В больницах и без того умирает так много людей… и если уж человеку наверняка ничем не помочь, надо бы призадуматься: а стоит ли?

– Ладно. Как быть с тем, что он не ест? Что дальше?

Ответила тетка не сразу: похоже, вопрос Джуда застал ее врасплох. Когда же она заговорила, голос ее зазвучал мягко, рассудительно, слегка виновато – таким тоном обычно растолковывают малышу суровую правду.

– Ну, Джастин… решение за тобой, не за мной. Если захочешь, доктор Ньюленд может установить ему трубку… зонд для искусственного кормления, и он еще сколько-то протянет. До следующего микроинсульта, пока дышать не разучится. А можно оставить его в покое, как есть. Поправиться он не поправится – в восемьдесят пять-то лет. Безвременной смерть его не назовешь, пожил он

немало, к уходу готов… а ты готов с ним проститься?

Проститься с отцом навсегда Джуд был готов уже больше сорока лет, хотя вслух этого, разумеется, не сказал. Сколько раз воображал он себе этот момент – можно сказать, грезил о нем наяву, – однако теперь, когда долгожданный момент настал, у него отчего-то, к нешуточному его удивлению, томительно засосало под ложечкой.

Ответил он, впрочем, твердо, без дрожи в голосе:

– Окей, Арлин. Не надо никаких трубок. Если уж ты говоришь, что время пришло, я спорить не стану. Держи меня в курсе, что там да как, ладно?

Однако тетка разговора еще не закончила.

– Сам-то приедешь? – спросила она негромко, нетерпеливо хмыкнув на выдохе, через нос.

Джуд у стола Дэнни в недоумении сдвинул брови. Разговор перескакивал с одного на другое слишком уж неожиданно, будто иголка, скачущая поперек диска с бороздки на бороздку, с трека на трек.

– Зачем?

– Ты разве не хочешь повидать его перед смертью?

Нет. Отца он не видел вот уже тридцать лет и впредь видеть ничуть не желал. Ни перед смертью, ни после. И даже на похороны не собирался, хотя платить за них придется ему. Причиной тому был страх – страх перед самим собой: мало ли какие там чувства возникнут… или, наоборот, не возникнут? Хорошо, он заплатит, заплатит, сколько потребуется, но с отцом видеться – нет уж, увольте. Избавление от нежеланных встреч – одна из лучших вещей, которые можно купить за деньги.

Однако сказать об этом Арлин Уэйд он, как и признаться, что ждал смерти старика с четырнадцати лет, конечно, не мог, а потому ответил:

– А он хоть поймет, что я рядом?

– Как знать, что он понимает, а чего – нет… Что в комнате кто-то есть, осознает. Входящих и уходящих провожает взглядом. Хотя в последнее время уже мало на что реагирует, да… Такое случается, когда огонь в человеке весь выгорит.

– Приехать я не смогу. На этой неделе – уж точно, – сказал Джуд.

Прибегнув к этой простейшей из отговорок, он решил, что разговору конец, приготовился попрощаться, однако, к изрядному собственному удивлению, спросил о том, о чем даже не думал спрашивать, пока слова будто бы сами собой не сорвались с языка:

– А тяжело… это будет?

– Умирать-то ему? Не-е-е! Старики в такой стадии, если через зонд не кормить, угасают в момент. Без мучений.

– Точно?

– А что? – откликнулась тетка. – Ты, никак, разочарован?

5

Сорок минут спустя Джуд отправился в ванную парить ноги (14-й размер[7 - Соответствует 46-му в российской размерной таблице.], плоскостопие – постоянный источник мучений) и обнаружил там Джорджию, склонившуюся над раковиной с большим пальцем во рту. Одета она была в футболку и пижамные штаны с милым узорчиком в виде россыпи крохотных красных сердечек (а что «сердечки» – на самом деле съежившиеся, скрюченные трупики крыс, издали не разглядишь).

Склонившись над ней, Джуд вынул ее палец изо рта, осмотрел. Подушечка вспухла, посередине вздулся белесый, мягкий с виду волдырь. Отпустив руку Джорджии, Джуд равнодушно отвернулся, сдернул со змеевика полотенце и перекинул его через плечо.

– Смажь эту штуку чем-нибудь, пока не воспалилась и не загнила, – посоветовал он. – А то стриптизершам с явными увечьями, знаешь ли, труднее работу искать.

– Чуток же ты – спасу нет, – буркнула Джорджия.

– Хочешь чуткости, вали с Джеймсом Тейлором[8 - Известный американский фолк-музыкант, автор и исполнитель песен в спокойной, задушевной манере.] трахаться.

Джорджия устремилась к дверям, и Джуд украдкой, через плечо, оглянулся ей вслед. О словах своих он пожалел, как только они сорвались с языка, и готов был взять их назад, но извиняться не стал. Девчонкам в браслетах из кожи с множеством стальных клепок, красящимся под зомби вроде Джорджии, именно жесткость и требуется. Вечно они силятся доказать себе, что круты, что все повидали, все стерпят… оттого их и тянет к нему – не вопреки вот таким фразам да грубому обращению, как раз ради них!

Нет, Джуд совсем не хотел, чтоб хоть одна ушла разочарованной, а что любая из них рано или поздно уйдет, было ясно заранее. По крайней мере, ему… да и девчонки тоже все понимали – если не сразу, так начинали понимать какое-то время спустя.

6

Одна из собак пробралась в дом.

В три с чем-то утра Джуда разбудил шум – беспокойные шаги в коридоре, негромкий шорох, мягкий удар о стену.

Собак он перед самым заходом солнца отвел в вольер и прекрасно об этом помнил, но поначалу, проснувшись, насчет этого ничуть не встревожился. Кто-то из них каким-то образом сумел попасть в дом – с чего бы тут волноваться?

Опьяненный, одурманенный сном, Джуд сел и замер. Синеватый луч лунного света из-за окна падал на Джорджию, спавшую слева, растянувшись на животе. Обмякшее во сне, без макияжа, ее лицо казалось едва ли не детским, и Джуду, охваченному внезапной нежностью – чудно даже как-то, – сделалось малость

неловко оттого, что он с ней в постели.

– Ангус? – пробормотал он. – Бон?

Джорджия не шелохнулась. Из коридора тоже больше не доносилось ни звука.

Джуд выскользнул из-под одеяла. Сырость и холод застали его врасплох. Вчерашний день выдался самым морозным за несколько месяцев, первым настоящим днем осени, и теперь в воздухе веяло липкой, студеной сыростью, а значит, снаружи было еще холодней. Может, поэтому собак и потянуло в дом? Замерзли, подкопались под сетку вольера и, спеша поскорее согреться, отыскали где-то лазейку… Да нет, чушь это все. Замерзшим, им ничто не мешало уйти из открытого вольера под крышу, в сарайчик, а там отопление.

С этими мыслями Джуд двинулся к двери, чтоб выглянуть в коридор, но у окна задержался, чуть отодвинул штору и бросил взгляд наружу.

Обе собаки обнаружились на месте, в вольере, пристроенном к стенке сарайчика. Стройный, поджарый, ловкий, Ангус, беспокойно повиливая крупом, расхаживал по соломе из стороны в сторону. Бон чинно сидела в углу. Голова ее была поднята кверху, немигающий взгляд устремлен на окно Джуда… прямиком на него. В ночной темноте глаза Бон сверкали ярким неземным зеленым огнем, да и сидела она чересчур смирно – так неподвижно, будто ее подменили статуей.

Выглянув в окно и встретившись взглядом с Бон, кто знает сколько просидевшей в углу вольера, не сводя глаз с окна в ожидании его появления, Джуд перепугался до полусмерти, однако… однако… Если собаки там, выходит, в дом пробрался и ходит по коридору, натыкаясь на стены, кто-то еще? Вот это уже совсем скверно.

Джуд перевел взгляд на пульт охранной системы возле двери в спальню. Дом и прилегающий к нему участок были нашпигованы многочисленными детекторами движения. На собак детекторы не реагируют – габариты не те, а вот взрослого человека, появившегося в поле зрения, засекут сразу, и пульт даст хозяину знать: в доме, там-то и там-то, чужой.

Однако дисплей пульта светился ровным зеленым огоньком и сообщал только о том, что система в рабочем режиме. Поневоле задумаешься, хватит ли ее чипу ума отличить пса от голого психа, на карачках ползущего по коридору с ножом в зубах…

Ствол у Джуда имелся, но хранился в домашней студии звукозаписи, в сейфе, и рука его будто сама потянулась к гитаре – к «До?бро»[9 - «Dobro» (англ.) – шестиструнная акустическая гитара, отличающаяся от обычной металлическим резонатором.], стоявшей у стенки. Вообще-то музыкантов, разбивающих гитары на потеху фанатам, Джуд не понимал никогда. Его первую гитару в попытках избавить сына от музыкальных амбиций разбил за него отец, и повторить этого Джуд просто не мог, даже на сцене, ради пущего эффекта, даже в те времена, когда мог позволить себе хоть целую кучу любых гитар, каких пожелает. Однако воспользоваться гитарой ради самозащиты он был вполне готов.
В определенном смысле гитары служили ему оружием самозащиты всю жизнь.

В коридоре скрипнула половица. И еще одна. И еще. За скрипом последовал негромкий вздох – будто кто-то усаживается поудобнее. Чувствуя, как бешено стучит пульс в висках, Джуд распахнул дверь…

Однако коридор оказался пуст. Шлепая босыми пятками по длинным прямоугольникам ледяного лунного света, падающего на пол сквозь потолочные окна, Джуд двинулся вперед. У каждой закрытой двери он останавливался, прислушивался, а после заглядывал внутрь. Свисающий со спинки кресла плед на миг показался ему уродливым карликом, встретившим его злобным взглядом. В другой комнате, сразу за дверью, обнаружился некто – высокий, изрядно тощий, и сердце Джуда замерло, сжалось в груди, а рука вскинула гитару над головой, но тут он понял, что перед ним просто пальто на вешалке, и шумно, прерывисто перевел дух.

Добравшись до студии, находившейся в самом конце коридора, он поразмыслил, не прихватить ли из сейфа револьвер, однако решил, что не стоит. Действительно, таскать его с собой не стоило, и вовсе не из-за боязни пустить ствол в дело – наоборот, оттого что Джуд не слишком-то этого опасался. На нервяках, взвинченный до предела, он вполне мог нажать на спуск, едва заметив внезапное движение в темноте, и продырявить лоб Дэнни Вутена или домработницы, хотя даже не представлял себе, зачем бы им украдкой шнырять по дому посреди глухой ночи.

Вернувшись в коридор, Джуд спустился вниз, обошел первый этаж, однако и там не обнаружил ничего, кроме мрака да тишины. Казалось бы, это должно его успокоить, но вовсе не успокоило: не из тех была эта тишина, не из безмятежных. Скорее из тех, что следуют, к примеру, сразу же за внезапным взрывом «вишенки». Под ее жутким, гнетущим натиском ныло в ушах.

Одним словом, успокоиться Джуду не удалось, однако у подножия лестницы он сделал вид, будто у него отлегло от сердца. Разыгрывая спектакль для себя самого, Джуд прислонил к стене гитару и шумно перевел дух.

– Так. Хватит ерундой маяться, – сказал он.

К тому времени нервы разыгрались настолько, что даже собственный голос заставил Джуда невольно вздрогнуть, а предплечья будто внезапно обдало холодом. Разговаривать с самим собой он отроду не привык.

Поднявшись наверх, Джуд двинулся к спальне и вдруг увидел прямо перед собой старика, сидящего к нему боком в антикварном шейкерском кресле[10 - В период расцвета трудовые коммуны «Объединенного сообщества верующих во Второе Пришествие Христа», в просторечии – шейкеров (трясунов), разработали и производили мебель особого стиля, славившуюся надежностью, функциональностью и простотой. В частности, одним из них было изобретено кресло с особым устройством задних ножек, позволявшим сидящему откинуться назад, не царапая ножками кресла пол. В наше время шейкерская мебель хранится во многих музеях и частных коллекциях.] у стенки. Сердце, будто сорвавшись с цепи, застучало, забило тревогу, и Джуд поспешил отвести взгляд, сосредоточиться на двери спальни – так, чтоб следить за стариком лишь краешком глаза. Только в глаза ему не смотреть… только не подавать виду, что замечаешь его… отчего-то сейчас это казалось вопросом жизни и смерти.

«Я и не вижу его. Не вижу. Нет здесь никаких стариков», – как заведенный твердил себе Джуд на ходу.

Старик сидел, склонив книзу обнаженную голову. Снятая шляпа покоилась на колене. Короткий ежик волос поблескивал свежим инеем. Пуговицы на груди пиджака сверкали во мраке, посеребренные лунным лучом. Костюм старика Джуд узнал сразу же. Еще бы тут не узнать, когда сам недавно уложил его

в черную коробку в форме сердечка, а коробку запихнул в дальний угол чулана! Глаза старика были закрыты.

Под гулкий, бешеный стук сердца в груди, с трудом переводя дух, Джуд шаг за шагом двигался к двери в спальню, устроенную в дальнем конце коридора. Проходя мимо шейкерского кресла, придвинутого к стене слева, он слегка задел ногой колено старика, и призрак поднял голову, но Джуд уже миновал его. До двери осталось – всего ничего. Только не бежать… Пускай, пускай старик таращится ему вслед сколько хочет; главное – в глаза ему не смотреть… да и вообще, нет тут никаких стариков, нет, нет и нет!

Переступив порог спальни, Джуд запер дверь на задвижку, направился прямо к кровати, забрался под одеяло, и его сразу же затрясло, да так, что береги только зубы. На миг ему захотелось придвинуться к Джорджии, прижаться к ее теплому телу, прогнать прочь озноб, но, не желая будить ее, он остался на своей половине кровати, улегся на спину и уставился в потолок.

Джорджия беспокойно заворочалась, жалобно застонала во сне.

7

Уснуть Джуд не надеялся, однако с первыми лучами солнца задремал, а проснулся по собственным меркам необычайно поздно, куда позже девяти. Джорджия лежала рядом, на боку, легонько касаясь ладошкой его груди, негромко посапывая в плечо. Отодвинувшись от нее, Джуд выскользнул из-под одеяла, вышел в коридор и спустился вниз.

«Добро» стояла, прислоненная к стенке, там, где он ее и оставил. При виде гитары сердце тревожно сжалось в груди. Джуд изо всех сил притворялся, будто ничего этакого ночью не видел, целью себе поставил выкинуть все это из головы, но «Добро»-то – вот она…

Выглянув в окно, он обнаружил у сарайчика машину Дэнни. Сказать Дэнни ему было нечего, от дел секретарских отвлекать незачем, однако Джуд вмиг оказался у дверей в кабинет. Просто поделать с собой ничего не мог. Желание оказаться рядом с другим человеком, бодрствующим, здравомыслящим, с битком набитой всевозможной рутинной чушью головой, оказалось неодолимым.

Висевший на телефоне, Дэнни над чем-то ржал, развалившись в офисном кресле. Замшевой куртки он так и не снял – и Джуд вполне понимал отчего. Он сам зябко ежился, кутаясь в домашний халат. В кабинете царил зверский холод.

Заметив Джуда в дверях, Дэнни заговорщически подмигнул. Еще одна из его подхалимских голливудских манер… хотя нынче утром Джуда она почему-то нисколько не раздражала. Приглядевшись к Джуду, Дэнни озабоченно сдвинул брови и одними губами изобразил:

– Что стряслось?

Джуд не ответил. Ответа он не знал сам.

Отделавшись от телефонного собеседника, Дэнни вместе с креслом развернулся к Джуду и смерил его встревоженным взглядом.

– Так что стряслось, шеф? Видок у тебя – просто жуть.

– Призрак здесь, – сказал Джуд.

– О как? – Просияв, Дэнни обхватил плечи ладонями, сделал вид, будто трясется от холода, и кивнул в сторону телефонного аппарата. – Этим, из теплоснабжения, я уже позвонил, а то и правда дубак у нас тут, как в склепе. Скоро приедут от них, поглядят, что стряслось с бойлером.

– Мне нужно позвонить ей.

– Кому?

– Женщине, что призрака этого нам продала.

Дэнни, приопустив одну бровь, приподнял другую: эта гримаса у него означала недоумение.

– Погоди, шеф, в каком смысле «призрак здесь»?

– Тот призрак, которого мы заказывали. Его привезли. И я хочу ей позвонить. Выяснить кое-что.

Похоже, переварить услышанное Дэнни сумел не сразу. Наполовину развернувшись к компьютеру, он взялся за телефон, однако глядел по-прежнему только на Джуда.

– С тобой точно все в порядке? – спросил он.

– Нет, – отвечал Джуд. – Пойду погляжу, как там собаки. Найди пока ее номер.

Как был, в исподнем под домашним халатом, он вышел на двор и выпустил Ангуса с Бон из вольера. Снаружи похолодало градусов до пятидесяти[11 - По Фаренгейту – то есть примерно до +10° по шкале Цельсия.], все вокруг заволокло слоистой белесой дымкой, но на дворе оказалось куда уютнее, чем в стенах волглого, намертво выстуженного дома. Ангус лизнул Джуду руку, и от прикосновения его шершавого, горячего, такого настоящего, осязаемого языка у Джуда сладко заныло сердце. Игривым, воняющим кислой шерстью собакам он был рад всегда. Промчавшись мимо, собаки наперегонки понеслись по двору, описали круг и устремились назад. На бегу Ангус щелкнул зубами, хватая за хвост Бон.

С собаками, жившими на ферме, отец обращался гораздо лучше, чем с Джудом или с Джудовой матерью. Со временем Джуд, заразившись его примером, тоже привык относиться к собакам заботливее, чем к себе самому. Большую часть детства он даже спал вместе с ними – две по бокам, а порой и еще одна, третья, в изножье, да и днем не расставался с немытой, неотесанной блохастой сворой отцовских псов ни на минуту. Ничто не напоминало ему, кто он таков и кем родился, отчетливее, чем резкая вонь псины, и, воротившись в дом, Джуд несколько успокоился, снова почувствовал себя самим собой.

В офисе он снова застал Дэнни за разговором по телефону:

– Спасибо! Огромное вам спасибо! Минутку, будьте добры: передаю трубку мистеру Койну! – Нажав кнопку удержания вызова, он протянул трубку Джуду. – Зовут Джессикой Прайс. Живет во Флориде.

Принимая трубку, Джуд сообразил, что полное имя этой женщины слышит впервые. Согласившись заплатить за привидение без торга, он даже не подумал им поинтересоваться, а вот теперь ему показалось, что о подобных вещах забывать не стоит.

Джуд сдвинул брови. Вроде бы имя совершенно обычное… но чем-то да зацепило. Нет, прежде он его, пожалуй, не слышал, однако подобные имена забываются на раз-два, так что все может быть. Может, и слышал когда.

Приложив трубку к уху, Джуд кивнул Дэнни, и тот снова нажал на кнопку, возобновляя связь.

– Джессика? Приветствую. Иуда Койн говорит.

– Как вам понравился костюм, мистер Койн? – спросила Джессика Прайс.

В ее голосе слышались нежный, певучий южный акцент, приятная непринужденность и… и что-то еще. Ко всему этому словно бы примешивался некий милый, дразнящий намек на насмешку.

– Как он выглядел? – спросил Джуд, с детства привыкший поскорее переходить прямо к делу. – То есть ваш отчим.

– Риз, лапушка, – сказала Джессика в сторону – не Джуду, кому-то еще. – Будь добра, выключи-ка телевизор и погуляй снаружи.

Девчонка на заднем плане мрачно, капризно буркнула что-то в ответ.

– Потому что я разговариваю по телефону.

Девчонка проворчала что-то еще.

– Потому что разговор личный. Давай-давай, поживее.

В наушнике громко лязгнула затянутая сеткой дверь. Джессика с легким смущением – «ох уж эти подростки» – вздохнула и снова поднесла трубку к губам.

– Ты его видел? – спросила она. – Отчего бы тебе не рассказать, как он, по-твоему, выглядит? Если что не так, я поправлю.

Да она шутки с ним шутит? Мозги ему пудрить вздумала?

– Я отсылаю его обратно, – сказал Джуд.

– Костюм? Валяй, отсылай. Отсылай хоть сейчас. Это вовсе не значит, что вместе с костюмом уйдет и он. Проданный товар, мистер Койн, обратно не принимается и замене не подлежит.

Не сводивший глаз с Джуда Дэнни озадаченно улыбнулся, в недоумении наморщил лоб. Только тут Джуд заметил, как громко – глубоко, с хрипотцой – дышит, не находя слов, не понимая, что тут сказать.

Однако Джессика нарушила молчание первой.

– Холодно там у тебя? Наверняка холодно. И, пока он не завершит начатого, станет еще холоднее – намного, намного.

– Ты что задумала? Еще денег из меня вытянуть? Так перебьешься.

– Она вернулась домой, чтоб с собою покончить, козлина! – отчеканила Джессика Прайс из Флориды (да, имя незнакомое, но, может, не настолько незнакомое, как хотелось бы, разом утратив все показное, слегка насмешливое благодушие. – Легла в ванну и взрезала вены на запястьях, после того как ты наигрался с ней. Там наш приемный папка ее и нашел. Она ради тебя что угодно бы сделала, а ты вышвырнул ее, будто мешок мусора.

Флорида…

Флорида!

Под ложечкой засосало, желудок словно бы налился тошнотворно-холодным свинцом… однако в голове вмиг прояснилось, от паутины усталости и суеверного страха не осталось ни одной ниточки. Да, он называл ее не иначе,

как Флоридой, однако на самом деле ее звали Анной Мэй Макдермотт. Гадалка, она знала толк и в таро, и в хиромантии, а научилась этому вместе со старшей сестрицей от отчима. Отчим по роду занятий числился гипнотизером, последней надеждой курильщиков и самим себе отвратительных толстух, жаждавших избавления от пристрастия к сигаретам и «Твинки»[12 - Пирожные с кремовой начинкой, очень популярные в США.]. Однако по выходным приемный отец Анны оказывал всем желающим услуги лозоходца, при помощи гипнотизерского «маятника» в виде серебряной бритвы на золотой цепочке отыскивая потерянные вещи и лучшие места для бурения колодцев. Покачивая той же бритвой над телами больных, он «исцелял» их ауры и замедлял рост прожорливых раковых опухолей, а водя ею над доской Уиджа, разговаривал с духами умерших, но главным его кормильцем оставался гипноз: «Успокойтесь… расслабьтесь… закройте глаза… слушайте только меня…»

– Так вот, перед смертью, – продолжала Джессика Прайс, – отчим завещал мне разыскать тебя и отослать тебе его костюм и рассказал, что из этого выйдет. И обещал расквитаться с тобой, мерзкой бездарной скотиной, за все.

Да, Джессикой Прайс (не Макдермотт) она стала в замужестве, а после овдовела. А муж ее вроде бы был резервистом и погиб в сражении за Тикрит… точно, Анна об этом рассказывала! Новой фамилии старшей сестры, кажется, не упоминала ни разу, но однажды сказала, что Джессика по примеру отчима занялась гипнозом и делает на нем почти семьдесят тысяч долларов в год.

– Зачем же понадобилось продавать мне костюм? Могла бы просто взять да прислать, – хмыкнул Джуд, с удовольствием отметив, что держится как ни в чем не бывало – куда спокойнее, чем она.

– Если б ты не заплатил, призрак не мог бы по праву считаться твоим. Так что пришлось тебе раскошелиться. И это еще не все, ох, не все… ты еще за остальное заплатишь…

– И откуда тебе было знать, что я его куплю?

– Как откуда? Я ведь прислала тебе и-мейл. О твоей тошнотворной коллекции грязных оккультных мерзостей Анна мне все рассказала в подробностях. Я так и знала, что ты не удержишься.

– А если б его купил кто-то другой? Там и кроме моей ставки были.

– Не было никаких других ставок. Только твоя. Остальные я сама сделала, а торгов не прекратила бы, пока ставку не сделаешь ты. Как тебе нравится приобретение? Не обмануло ли надежд? О, веселья тебе предстоит немало! А на тысячу долларов, полученную от тебя за дух отчима, я закажу букет к твоим похоронам. Прекрасный, чертовски прекрасный выйдет расклад, не находишь?

«Так можно же просто уехать, – подумал Джуд. – Съехать из дома на время. А костюм мертвеца и самого мертвеца здесь оставить. Взять с собой Джорджию – и в Лос-Анджелес. Собрать пару чемоданов, и через три часа мы в воздухе. А Дэнни тут все утрясет. Дэнни – он справится…»

– Валяй, валяй, съезжай в отель, – посоветовала Джессика, точно он сказал все это вслух, и разразилась негромким злорадным смехом. – Сам увидишь, много ли из этого выйдет проку. Куда бы ты ни отправился, от него не уйдешь. Проснешься – а он на кровати, в ногах у тебя сидит. Подыхать будешь – это его ледяная рука зажмет тебе рот.

– А Анна, стало быть, у тебя жила, когда с жизнью покончила? – с прежним самообладанием, все с тем же безупречным спокойствием в голосе спросил Джуд.

Пауза. Похоже, сестрица Анны, задохнувшись от гнева, не сразу нашлась с ответом. Где-то в отдалении жужжала, шипела струйками воды поливальная установка, с улицы доносились детские крики.

– Анне не к кому больше было пойти, – ответила Джессика. – Куда ей деваться в депрессии? Да, депрессии не отпускали ее никогда, но ты все испакостил окончательно. Настолько, что ей даже в голову не пришло выйти на люди, повидаться с кем-нибудь, о помощи попросить… Это ты внушил ей ненависть к самой себе. Это ты внушил ей желание умереть.

– С чего тебе взбрело в голову, будто она из-за меня вскрылась? Может, как раз твое приятное общество ее до ручки и довело? Послушай я тебя с утра до вечера – наверное, тоже вскрыться бы захотел.

– Ну, нет, подыхать ты, – процедила Джессика, – будешь…

– Слышал уже. Придумай что-нибудь новенькое, – оборвал ее Джуд. – А пока трудишься над этим, поразмысли еще вот о чем. Я, видишь ли, тоже знаю пяток-другой гневных душ. Из тех, что ездят на «Харлеях», живут в трейлерах, варят винт, насилуют собственных детишек, стреляют в собственных жен. Для таких, как ты, они – подонки, а для меня – фанаты. Хочешь проверить, не согласится ли пара живущих в твоих краях заглянуть к тебе привет от меня передать?

– Никто тебе не поможет, – сдавленно, с дрожью ярости в голосе ответила Джессика. – Черная метка, печать смерти, которой отмечен ты, ляжет на всякого, кто за тебя вступится. Тебе не жить, и никому, помогшему тебе хоть делом, хоть словом утешения, не жить тоже. – Несмотря на возмущение, говорила она без запинки, словно репетировала эту гневную речь заранее, причем не раз и не два. – Все разбегутся от тебя, как от чумы, или погибнут с тобой заодно. Но ты будешь подыхать в одиночестве. Слышишь меня? В одиночестве!

– Как знать, как знать. Вдруг мне захочется прихватить с собой еще кого-нибудь? А не найду нигде помощи, так ведь вполне могу сам, лично, тебя навестить, – сказал Джуд и с маху хлопнул трубкой о рычаги.

8

Испепеляя взглядом черную телефонную трубку, крепко, до белизны костяшек, сжатую в кулаке, Джуд вслушивался в мерный, неторопливый, будто дробь солдатского барабана, стук собственного сердца.

– Босс… а… хре… неть… босс, – тоненько, с присвистом, без крохи веселья рассмеявшись, выдохнул Дэнни. – Что за фигня? Что бы все это значило?

Джуд мысленно велел пальцам разжаться, выпустить трубку, но рука не послушалась. Он понимал, что Дэнни задал вопрос, но вопрос его казался обрывком чужой, никак Джуда не касающейся беседы, донесшимся из-за двери в соседнюю комнату.

Мало-помалу в голове начинало укладываться: Флориды больше нет. Поначалу новость о ее самоубийстве, брошенная Джессикой Прайс Джуду в морду, будто бы не значила ровным счетом ничего – все чувства по этому поводу Джуд

задавил в зародыше, но теперь деваться от них было некуда. Казалось, кровь его, отягощенная ими, загустела, сделалась непривычной, чужой.

С другой стороны, в глубине души Джуду как-то не верилось, что она могла уйти из жизни, что одна из тех, с кем он делил постель, навсегда улеглась в могилу. Ей ведь было-то всего двадцать шесть… нет, двадцать семь, а в двадцать шесть она от него ушла. Вернее сказать, он ее выставил. Двадцать шесть лет… а вопросами сыпала, будто четырехлетняя. «А ты часто рыбачил на озере Поншартрен? А каким твой лучший в жизни пес был? А как по-твоему, что с нами происходит, когда мы умираем?» Такой кучей вопросов кого угодно с ума сведешь.

Хотя она сама очень боялась, что сходит с ума. Депрессиями мучилась вечно, причем не притворными на манер некоторых готских телок – клиническими, без обмана. В последние пару месяцев жизни у Джуда совсем расклеилась: заснуть не могла, плакала без причины, забывала одеться, часами таращилась в экран телика, не потрудившись включить его, а на звонки телефона отвечала, сняв трубку, но ни слова не говоря – просто стоя с трубкой в руках, будто ей питание кто отключил.

Однако до этого было у них и немало замечательных летних деньков в сарае, пока Джуд перебирал «Мустанг». По радио передают Джона Прайна[13 - Известный американский автор-исполнитель, работавший в жанрах кантри и фолк.], все вокруг окутано ароматами сушащегося на солнце сена, и расспросы, расспросы, расспросы – пустые, бессмысленные, порой надоедливые, порой забавные, порой возбуждающие. И ее тело – белая, точно лед, кожа в татуировках, костлявые коленки, поджарые бедра стайерши. И ее дыхание, щекочущее шею.

– Эй, – напомнил о себе Дэнни, легонько коснувшись Джудова запястья. От его прикосновения пальцы Джуда разжались, словно пружинный капкан, выпустив телефонную трубку. – Тебе ничего не грозит?

– Не знаю.

– Расскажешь, что происходит?

Джуд не спеша поднял взгляд. Привставший из-за стола Дэнни побледнел лицом так, что имбирно-рыжие веснушки словно бы приподнялись, вспучились бугорками над белизной щек.

Дэнни с ней связывала дружба, безобидная, непринужденная, слегка обезличенная – точно такая же, как и со всеми другими девицами Джуда. С ними он неизменно играл роль насквозь городского, всепонимающего приятеля-гея, умеющего хранить их секреты, того, перед кем можно выговориться, с кем можно посплетничать, интимно, но без сближения. Того, кто расскажет о Джуде такое, чего тот нипочем не расскажет о себе сам.

Подсевшая на героин, сестра Дэнни словила передоз, едва он поступил в колледж. А мать их повесилась спустя каких-то полгода, и именно Дэнни посчастливилось первым обнаружить ее тело, свисавшее с единственной потолочной балки в кладовке, описывая опущенными книзу пальцами ног кружки над опрокинутой стремянкой. Тут уж не только спец в психологии – любой дурень поймет, что чуть не одновременная, дуплетом в упор, смерть сестры с матерью, не могла на излете не зацепить и Дэнни, навеки оставив его девятнадцатилетним. Конечно, ногти он черным не красил, колец в губы не продевал, однако к Джуду его влекло почти то же самое, что и Джорджию с Флоридой, и всех прочих девчонок. Всех их тянуло к Джуду, будто крыс и детишек к тому самой Гамельнскому Дудочнику. Джуд складывал песни из ненависти, из боли и извращенности, и все они вприпрыжку бежали, мчались на его музыку, надеясь, что он позволит им подпевать ей…

Одним словом, рассказывать Дэнни, что сотворила с собой Флорида, Джуду не хотелось. Его бы поберечь, промолчать… а то мало ли, как Дэнни это воспримет.

Но все-таки Джуд, пусть нехотя, заговорил:

– Анна. Анна Макдермотт. Вены вскрыла. А та, с кем я только что разговаривал, – ее сестра.

– Флорида? – Устало, будто разом лишившись всех сил, Дэнни опустился в скрипнувшее под его тяжестью кресло, прижал к животу ладони, слегка наклонился вперед, будто у него резь в желудке. – Ох, ё… Ну, как же так, мать…

В последовавшей за этим ругани слышалась такая нежность, что ни одни слова в мире не могли бы показаться еще менее непристойными.

Оба умолкли, и только тут Джуд заметил негромкое бормотание включенного радио. Трент Резнор пел о готовности расстаться со своей империей грязи. Забавно: «Найн Инч Нэйлс» по радио именно в этот момент – ведь именно на концерте Трента Резнора, за сценой, Джуд и познакомился с Флоридой… Новость о ее смерти вновь поразила его, будто совсем свежая. «А ты часто рыбачил на озере Поншартрен?» Стоило вспомнить об этом, потрясение сменилось мутным, болезненным негодованием. Самоубийство Флориды показалось Джуду такой бессмысленной, глупой, эгоистичной выходкой, что, разозлившемуся, ему отчаянно захотелось позвонить ей да разругать дуру на все корки… вот только до мертвой уже не дозвонишься, а жаль.

– Записки она не оставила? – спросил Дэнни.

– Неизвестно. От ее сестры вообще мало что удалось узнать. Не самый любезный в мире вышел у нас разговор, как ты, может, заметил.

Но Дэнни, словно не слыша его, продолжал:

– Мы с ней, бывало, заглядывали куда-нибудь выпить по «маргарите». На редкость милая была девчонка… и вопросы эти ее… Как-то раз спрашивала, было ли у меня в детстве любимое место, чтоб за дождем наблюдать. Ну и вопросец, блин, а? Велела глаза закрыть, представить, будто я дома, в спальне, а за окном дождь, и рассказывать, что там да как. Десять минут, не меньше. Каких только вопросов ей в голову не приходило! Послушай, а ведь мы с ней друзья были – неразлейвода, и вот не понимаю я этого. То есть про ее депрессию помню. Она рассказывала. Но если ей вправду умереть захотелось, если уж вправду до этого дело дошло, разве она не позвонила бы тебе или мне?.. Разве не дала бы одному из нас шанс отговорить ее, а?

– По-моему, нет.

Казалось, за последние пару минут Дэнни как-то съежился, усох.

– А ее сестра… ее сестра, значит, думает, что в этом ты виноват? – проговорил он. – Ну, это… это… вообще ни в какие ворота, по-моему.

Однако в его голосе слышалась дрожь, неуверенность.

– Да уж, конечно, – согласился Джуд.

– Проблемы с настроением у нее куда раньше вашего знакомства начались, – уже несколько увереннее напомнил Дэнни.

– Я думаю, у них это семейное, – проворчал Джуд.

Дэнни вновь подался вперед.

– Ага… ага… то есть… ё-о-о, это что ж получается? Выходит, это сестра Анны тебе призрака, костюм мертвеца продала? Слушай, что за хрень тут творится? И, главное, с чего тебе вдруг понадобилось ей звонить?

Рассказывать Дэнни о том, что он видел прошлой ночью, Джуду не хотелось. В эту минуту, оглушенный жуткой новостью о смерти Флориды, он уже несколько сомневался, вправду ли видел что-нибудь этакое. Теперь сидевший в коридоре у двери спальни в три часа пополуночи старик больше не казался ему таким же настоящим, реальным, как прежде.

– Присланный мне костюм – вроде символической угрозы убийством. «Аукцион» она устроила исключительно ради нас, так как просто прислать костюм отчего-то не могла: вначале я должен был за него заплатить. Думаю, сам видишь: трезвостью разума дамочка эта не блещет. И вот, как только костюм привезли, я сразу почувствовал: с ним что-то неладно. Во-первых, идиотская черная коробка в форме сердечка, в которой он прислан, а во?вторых… ну, это, может, уже малость смахивает на паранойю, но в нем булавка была спрятана. Чтоб напоролся кто-нибудь.

– Булавка была спрятана? И что? Ты укололся?

– Нет. А вот Джорджии она здорово в палец впилась.

– С ней все в порядке? Думаешь, булавку какой-то гадостью смазали?

– В смысле наподобие мышьяка? Нет. По-моему, наша Джессика Прайс из Психвилля, штат Флорида, не настолько глупа. Может, больна на всю голову, но не глупа, не глупа. Ей ведь меня попугать хочется, а не в тюрьму сесть. Она сказала, что вместе с костюмом к нам прибыл дух их приемного папочки, и скоро он спросит с меня за то, что я сделал с Анной, по полной. Ну, а булавка – не знаю, наверное, тоже часть всего этого вуду. Я ведь вырос не так далеко от Панхандла. Знал бы ты, сколько в тамошних трейлерных городках беззубых, жрущих опоссумов нищебродов и сколько у них всего в головах… К примеру, явишься на работу в местный «Криспи Крим»[14 - Популярная в США сеть кофеен, специализирующихся на кофе и пончиках.] с терновым венцом на макушке – никто и глазом не моргнет.

– Может, полицию вызвать? – предложил Дэнни, похоже нащупавший почву под ногами: усталость в его голосе шла на убыль, мало-помалу уступая место обычной уверенности в себе.

– Не надо.

– Но она, как-никак, смертью тебе угрожала.

– А свидетели кто?

– Мы с тобой. Я сидел тут, рядом, и все слышал.

– И что ты слышал?

Дэнни приподнял брови, а после, слегка прикрыв глаза, сонно, лениво заулыбался.

– Что скажешь, то и слышал.

Джуд против собственной воли расплылся в ответной улыбке. Чего-чего, а бесстыдства Дэнни было не занимать. В эту минуту Джуд даже припомнить не смог бы, отчего секретарь ему порой так противен.

– Не-ет, – протянул он. – Я этот вопрос по-другому решу. Однако ты кое-чем помочь можешь. После отъезда Анна писала мне пару раз, но куда я подевал ее

письма – загадка. Пошаришь тут, ладно?

– Конечно. Уж меня-то им не перехитрить.

Однако во взгляде Дэнни снова мелькнула тревога. Возможно, чувство юмора к нему и вернулось, но бледность со щек не сошла.

– Джуд… ты вот сказал: «по-другому вопрос решу». «По-другому» – это как? – спросил он, ущипнув себя за губу и задумчиво морща лоб. – Перед тем как отбой дать, ты толковал всякое… что ребят по ее душу пошлешь, а то и сам в гости заглянешь… а главное, таким обозленным я тебя в жизни еще не видал. Мне есть о чем волноваться?

– Тебе? Нет, – заверил его Джуд. – А вот ей… может, и да.

9

Голая, с остекленевшим взглядом, мертвая Анна в ванне, полной кроваво-алой воды… Голос Джессики Прайс в телефонной трубке: «Подыхать будешь – это его ледяная рука зажмет тебе рот»… Старик в черном костюме а-ля Джонни Кэш, сидящий у стены коридора верхнего этажа, медленно поднимающий голову, провожающий взглядом идущего мимо Джуда… Казалось, вся эта жуть засела в голове навсегда.

Избавиться от подобного шума в голове обычно лучше всего помогал шум, сотворенный собственными руками. Отнеся «Добро» в студию, Джуд для пробы пару раз ударил по струнам, остался недоволен строем, полез в шкаф за каподастром, чтоб сместить звучание на тон выше, но вместо каподастра отыскал там коробку с патронами.

Коробка оказалась той самой – одной из желтых конфетных коробок в форме сердечка, которые отец дарил матери каждый год к Дню святого Валентина, к Дню матери, на Рождество и на день рождения. Ничего другого Мартин жене не дарил – ни роз, ни колец, ни шампанского: подарком всякий раз становилась все та же большая коробка шоколадных конфет из ближайшего универсального магазина.

В той же степени неизменной оставалась и реакция матери. Принимая отцовский подарок, мать всякий раз улыбалась – робко, смущенно, не разжимая губ. Отчего? Оттого, что стеснялась зубов: верхние были фальшивыми, вставленными взамен выбитых настоящих. Сняв крышку, она всякий раз первым делом протягивала коробку мужу, а тот всякий раз с улыбкой, да такой горделивой, будто преподнес жене бриллиантовое колье, а не коробку шоколадных конфет за три доллара, отрицательно качал головой.

Тогда мать угощала конфетами Джуда, и Джуд всякий раз выбирал ту, что лежит посередке, вишенку в шоколаде. Как ему нравились ее негромкий, влажный – «глуш-ш-шь» – хруст на зубах, и липкая, с легкой гнильцой, сладость сиропа внутри, и напоминающая о той же гнильце податливость вишневой ягодки… В такие минуты ему представлялось, будто там, под шоколадной глазурью, не вишенка – глазное яблоко. Подобными жутковатыми, отвратительными фантазиями Джуд тешился уже в те давние дни.

Коробку он отыскал среди мешанины кабелей, педалей и адаптеров, под чехлом от гитары, стоявшим в шкафу у задней стены, да не под простым чехлом, памятным. Именно с этим чехлом Джуд тридцать лет тому назад оставил Луизиану, хотя с подержанной «Ямахой» за сорок долларов, когда-то хранившейся в нем, распростился давным-давно. «Ямаху» он бросил в Сан-Франциско, на сцене, где как-то вечером, в 1975-м, играл на разогреве у «Цеппелинов». В те дни он навсегда распрощался с кучей всякого разного – с родными, с Луизианой, со свиньями и нищетой, и даже с именем, полученным при рождении, и не слишком-то часто оглядывался, уходя.

Вынув из шкафа коробку, Джуд тут же обронил ее: руки обмякли, как тряпки. Что в ней, он прекрасно понял с первого взгляда, даже не сняв крышки. А если в чем поначалу и сомневался, все сомнения немедля развеялись, как только коробка упала на пол и внутри – динь-дон-динь – зазвенели одна о другую латунные гильзы. При виде нее Джуд отпрянул назад, охваченный первобытным, атавистическим ужасом, как будто из кучи кабелей на ладонь его выполз жирный мохноногий паук. Этой коробки с патронами он не видел больше тридцати лет и точно помнил, что оставил ее между матрасом и пружинной сеткой собственной детской кровати там, в Мурз-Корнер, что, покидая Луизиану, с собой ее не забрал, а значит, оказаться здесь, под старым гитарным чехлом, она просто не могла… но как-то да оказалась.

Чуть не минуту глазел он на желтую, в форме сердечка, коробку из-под конфет, прежде чем, собравшись с духом, снова взять ее в руки, сковырнуть крышку и перевернуть вверх дном.

Патроны и гильзы, звеня, покатились по полу во все стороны.

Джуд собирал их – первую свою коллекцию – сам, охотясь за ними с тем же азартом, с каким некоторые другие мальчишки охотятся за бейсбольными карточками. Начало коллекции он, тогда еще Джастин Ковзински, положил в восемь лет, не за год и не за два до того, как хотя бы представил себе, что однажды станет кем-то другим. В тот день он брел куда-то через восточное поле и вдруг услышал металлический хруст под ногой, а присев поглядеть, на что наступил, выковырнул из грязи стреляную гильзу от дробовика. Вероятно, одну из отцовских. Дело было осенью, а по осени старик часто ходил пострелять индеек. Джастин понюхал треснутый, сплющенный латунный цилиндрик. Ноздри защекотал легкий запах пороховой гари – пожалуй, что неприятный, однако странным образом завораживающий, влекущий к себе. Так гильза в кармане дешевых рабочих штанов отправилась с ним домой, где и нашла себе место в одной из пустых конфетных коробок матери.

Вскоре к ней присоединились два целых, заряженных патрона тридцать восьмого калибра, «позаимствованных» в приятельском гараже, несколько любопытных, серебристого цвета, стреляных гильз, найденных неподалеку, на стрельбище, а еще патрон от британской штурмовой винтовки со средний палец длиной. В обмен на последний пришлось отдать вещь немалой ценности, номер «Крипи» с обложкой Фразетты[15 - Имеется в виду Фрэнк Фразетта, американский художник, иллюстратор и автор комиксов, один из общепризнанных классиков жанра, сотрудничавший также в популярном журнале «Крипи» («Creepy»), специализировавшемся на комиксах в жанре ужасов.], однако Джастин чувствовал, что с обменом нисколько не прогадал. По вечерам, улегшись в кровать, он снова и снова рассматривал собранное, любовался игрой звездного света на отшлифованных боках гильз, нюхал увесистые свинцовые пули, будто кто другой – ленточку, сбрызнутую духами возлюбленной, и запах свинца точно так же порождал в голове множество мыслей, множество сладких, невыразимо приятных фантазий.

Старшеклассником Джуд привязал британский патрон к кожаному шнурку и носил на шее, пока директор школы не отобрал. И до сих пор удивлялся, как только не пристрелил кого-нибудь после этого: казалось бы, все

необходимое «школьному мстителю» – гормоны, обида, боеприпасы – вот оно, налицо. Многие никак не поймут, откуда на свете «Колумбайны» берутся, а он, Джуд, никак не мог взять в толк, отчего подобные вещи происходят так редко.

И вот все они снова вернулись к нему – и смятая гильза от дробовика, и серебристые гильзы со стрельбища, и даже двухдюймовый патрон от AR-15, хотя его-то в коробке уж точно быть никак не могло: директор назад не отдал. Что это, как не угроза? Очевидно, таким манером явившийся к Джуду посреди ночи мертвец, покойный отчим Анны, хочет сказать, что их дела еще не закончены.

Мысль, конечно, бредовая. Появлению коробки с патронами в шкафу наверняка могла бы найтись целая дюжина куда более правдоподобных, разумных объяснений, однако Джуду плевать было, что там разумно, а что нет. Благоразумием он не блистал сроду. Заботила его правда и только правда. Мертвеца среди ночи он видел собственными глазами. Может, в залитом солнце кабинете Дэнни и сумел на пару минут выкинуть ночные события из головы, сделав вид, будто ничего этакого не случилось – но видел же. Видел.

Взяв себя в руки, он снова, куда спокойнее, оглядел россыпь патронов и гильз, и тут ему пришло в голову еще кое-что. Может быть, это не просто угроза? Может, в ней есть еще какой-нибудь смысл? Может, мертвец, дух покойного, советует вооружиться?

Джуд призадумался. Да, «супер, блэкхок» калибра 44 лежит себе в сейфе под рабочим столом… но в кого из него стрелять-то? Ясное дело, призрак, скорее всего, существует только в его собственной голове. Возможно, все призраки, сколько их ни есть вообще, обретаются исключительно в человеческих головах и нигде более. Выходит, чтоб в него выстрелить, ствол нужно к виску приставлять?

Смахнув патроны и гильзы в материнскую коробку из-под конфет, Джуд с маху накрыл ее крышкой. Нет, патроны ему не помогут, это уж точно… однако на свете имеются и другие боеприпасы.

Один из углов студии занимал стеллаж с собранием книг – всевозможных книг об оккультном и сверхъестественном. Примерно в то самое время, когда Джуд только начал записываться, к вершинам популярности взлетели «Блэк Саббат»,

и менеджер Джуда посоветовал хоть намекнуть, будто он тоже с самим Люцифером на «ты»: не повредит, дескать. К изучению психологии групп и методов массового гипноза Джуд, рассудив, что фанаты – хорошо, а собственная секта – еще лучше, уже приступил, а после этого дополнил список «к прочтению» трудами Алистера Кроули и Чарльза Декстера Варда и принялся методично, дотошно, без всякого удовольствия штудировать их, старательно подчеркивая основные понятия и ключевые мысли.

Позже, после того как он стал знаменит, всевозможные сатанисты, виккане и спиритуалисты, послушав его песни и по простоте душевной решив, будто он вправду разделяет их увлечения – хотя на самом деле для Джуда вся эта чушь была только деталью образа наряду с кожаными штанами, – наприсылали ему целую кучу других (спору нет, крайне занятных) книг: маловразумительное наставление по отчитке бесноватых, изданное католической церковью в тридцатые; перевод пятисотлетней давности сборника нечестивых, богопротивных псалмов, написанных каким-то свихнувшимся тамплиером, поваренную книгу каннибала…

Джуд сунул коробку с патронами на полку, посреди книг. Охота отыскать каподастр и сыграть что-нибудь из «Скинэрдов»[16 - Имеются в виду «Lynyrd Skynyrd», американская рок-группа, одни из самых видных исполнителей «южного рока» 1970-х.] исчезла, как не бывало. Вздохнув, он провел ногтем по твердым, солидным корешкам книг.

От холода в студии пальцы одеревенели – страницу не подцепить, и к тому же Джуд сам толком не знал, что искать. Какое-то время он с немалым трудом продирался сквозь крайне запутанные рассуждения о зверях-фамильярах, животных исключительно чутких, связанных с хозяевами узами любви и крови и при этом наделенных даром разбираться с мертвыми, так сказать, непосредственно. Однако изложено все это было таким дремучим, восемнадцатого столетия английским без запятых, без точек, что Джуд, просидев над одним-единственным абзацем битых десять минут, так и не понял прочитанного и отложил книгу в сторону.

В другой книге его взгляд зацепился за главу об одержимости демоном либо злонравным духом. На одной из утрированных, карикатурных иллюстраций к ней изображен был старик, распростертый на кровати среди скомканных простыней с выпученными в ужасе глазами, с широко разинутым ртом, а изо рта его, глумливо скалясь, лез наружу отвратительный голый гомункул. Впрочем, дела

старика могли обстоять и хуже: возможно, мерзкая тварь лезла не наружу, а внутрь.

Здесь Джуд прочел, что всякий, кто держит открытыми «златые двери за грань бренного бытия», дабы заглянуть на ту сторону, рискует впустить в мир кого-либо из потусторонних созданий, а особая опасность при этом угрожает больным, престарелым и «поддавшимся очарованию смерти». Писал автор уверенно, убедительно, со знанием дела, и Джуд заметно воспрянул духом, но вскоре добрался до описания лучшего способа защиты – обливаний мочой. Конечно, ко множеству всякого рода мерзостей он относился без каких-либо предубеждений, но «золотой дождь» из списка приемлемого вычеркнул решительно и навсегда и, выронив книгу из окоченевших рук, даже не удосужился подобрать ее, а пинком отшвырнул прочь.

Прочел Джуд и о «Борли Ректори»[17 - Дом священника в Борли, славящийся множеством наблюдавшихся в нем паранормальных явлений, в том числе появлений призраков.], и об общении с духами-спутниками при помощи доски Уиджа, и об алхимических свойствах менструальной крови… В глазах то мутилось, то прояснялось, и тогда он швырял очередной книгой в стену. Чушь, каждое слово – чушь! Демоны, фамильяры, зачарованные круги, волшебная сила мочи…

Один из томов с грохотом смел со стола лампу. Другой угодил в платиновый диск под стеклом. Стекло поверх серебристого диска раскололось, покрывшись сверкающей паутиной трещин, рамка упала со стенки, качнулась и с хрустом шмякнулась лицевой стороной об пол. Затем рука Джуда, точно сама собой, нащупала конфетную коробку, полную патронов и гильз. От удара о стену с коробки слетела крышка, и патроны со звоном раскатились по углам.

Тяжко дыша, под частый стук пульса в ушах, Джуд сорвал с полки еще одну книгу, огляделся в поисках, чего бы еще сокрушить, но тут же опомнился: книга в руке показалась на удивление легкой. Взглянув на нее, он обнаружил, что это вовсе не книга, а черная пластиковая видеокассета без ярлыка, только не сразу сообразил, с чем – над этим пришлось поразмыслить. Да, на кассете – тот самый фильм, с настоящим убийством. Простоявший на полке среди книг, особняком от других кассет, вот уже… сколько? Четыре года? Так долго, что совсем слилась с корешками переплетов. Стала всего лишь частицей бардака на стеллаже.

Однажды утром, войдя в студию, Джуд застал жену, Шеннон, за ее просмотром. Он паковал вещи перед поездкой в Нью-Йорк и пришел выбрать гитару для выступления, но при виде жены остановился в дверях. Стоя у телевизора, Шеннон смотрела, как кто-то на глазах у десятка других душит голую девчонку лет около пятнадцати прозрачным пластиковым пакетом.

Глядя, как умирает девчонка на экране, Шеннон хмурила брови, сосредоточенно морщила лоб. Срыва с ее стороны Джуд не опасался – злость его вообще обычно не впечатляла, однако по опыту знал: с такой молчаливой, спокойной, замкнутой Шеннон нужно держать ухо востро.

– Это не постановка? – наконец спросила она.

– Нет.

– Она действительно умирает?

Джуд бросил взгляд на экран. Голая девчонка обмякшей тряпичной куклой осела на пол.

– Да, она вправду мертва. Они ведь и дружка ее кончили, верно?

– Он так просил их…

– Это мне один коп подарил. И рассказал, что эти детишки – наркоши откуда-то из Техаса, вломившиеся в винный магазинчик со стрельбой, кого-то убившие, а после пытавшиеся удрать в Тихуану. У копов какого только дерьма в загашниках не отыщется.

– Он так просил за нее…

– Да, жуткая штука, – согласился Джуд. – Сам не пойму, зачем храню ее до сих пор.

– Вот и я не пойму.

Шагнув к телевизору, Шеннон выщелкнула из магнитофона кассету и замерла, глядя на нее так, точно никогда в жизни не видела видеопленок и старалась представить себе, для чего эта штука может предназначаться.

– Что с тобой? – спросил Джуд.

– Не знаю, – ответила Шеннон, смерив его остекленевшим, озадаченным взглядом. – А с тобой что?

Подождав и не дождавшись ответа, она двинулась мимо Джуда к порогу, но у дверей спохватилась, сообразила, что пленку до сих пор держит в руках, аккуратно поставила ее на полку и вышла. А в книги кассету позже сунула домработница – по ошибке. А Джуд, так и не удосужившийся поставить ее на место, в скором времени вовсе о ней позабыл.

Забот ему и без кассеты хватало. Вернувшись из Нью-Йорка, он обнаружил, что дома – никого, а отведенная под вещи Шеннон половина чулана пуста. Уезжая, она даже не потрудилась оставить записки – никаких тебе «Дорогих Джонов»[18 - На американском армейском жаргоне – письмо солдату от невесты или жены, сообщающей, что уходит к другому.], где говорилось бы, что их любовь – ошибка, что любила она не его, а его выдуманный образ, что с каждым днем они отдаляются друг от друга и так далее, и так далее. Сорока шести лет Шеннон однажды уже прошла и через замужество, и через развод. В этом возрасте людям не до кривляний на манер средней школы. Было ей что сказать – звонила. Требовалось ей от Джуда что-нибудь – звонил ее адвокат.

Сейчас, глядя на эту пленку, он вправду не мог понять, зачем хранит ее – или зачем ей у него храниться. Пожалуй, ее следовало найти и выкинуть сразу же, вернувшись домой и обнаружив, что жена съехала. Мало этого, Джуд даже не понимал, чего ради согласился принять подобный подарок. В голове ведь уже тогда шевелилась неприятная мысль: похоже, со временем он начал чересчур охотно принимать все, что ему ни предложат, не задумываясь о возможных последствиях… и вот, полюбуйтесь, к чему это привело. Анна принесла ему в дар ни много ни мало всю себя без остатка, и дело кончилось ее смертью. Джессика Макдермотт-Прайс подсунула ему костюм мертвеца, и теперь костюм тоже принадлежит ему. Тоже принадлежит… ему…

А ведь заполучить костюм мертвеца, или видеокассету с мексиканским «убойным», так сказать, порно, или любую другую штуковину из коллекции он совсем не стремился, из кожи вон ради них не лез. Наоборот – казалось, все эти штуки тянет к нему, точно железные опилки к магниту, и помешать этому Джуд, вроде того же магнита, не мог никак. Однако смириться и сдаться означало бы расписаться в собственной беспомощности, а беспомощным Джуд не был сроду. И если уж задумал расшибить что о стену, то эту кассету расшибить следует в первую очередь.

Однако он слишком долго тянул время да думал. Холод в студии изрядно подточил силы, все тело налилось противной усталостью, плечи поникли под тяжестью прожитых лет. Нет, вправду, вот холодина-то… странно, что пар изо рта не валит! Вдобавок глупости либо слабости постыднее, чем – в пятьдесят-то четыре года – в истерике швыряться о стену книгами, Джуд не мог себе даже представить, а слабость презирал больше всего на свете и потому, как ни хотелось ему бросить кассету под ноги и растоптать с хрустом, не спеша повернувшись, поставил кассету на место. Успокоиться, хоть на минуту взять себя в руки, унять истерику, недостойную взрослого человека, сейчас казалось делом гораздо, гораздо важнее.

– Выбрось эту дрянь, – донесся с порога голос Джорджии.

10

Невольно вздрогнув от неожиданности, Джуд обернулся к дверям. Бледное от природы лицо Джорджии казалось вовсе бескровным, словно резная кость, так что сейчас она сделалась еще больше похожей на вампира, чем раньше. Вначале Джуду подумалось, что дело тут в каких-то хитростях с макияжем, но, приглядевшись, он обнаружил, что ее щеки покрыты испариной, а тонкие пряди черных волос, взмокших от пота, прилипли к вискам. В пижаме, замершая на пороге, обхватив ладонями плечи, Джорджия неудержимо тряслась от холода.

– Ты чего, заболела? – спросил Джуд.

– Я в полном порядке, – буркнула Джорджия. – Здоровей некуда. Выбрось эту дрянь.

Джуд аккуратно поставил пленку со снаффом на полку.

– Какую дрянь?

– Костюм этого мертвеца. Вонь от него… ты что, сам не заметил, как от него несет, когда доставал из чулана?

– А он что, не в чулане?

– Нет, не в чулане. Когда я проснулась, он лежал на кровати. Расправленный. Прямо рядом со мной. Ты, может, забыл его на место убрать? Или даже не помнишь, как доставал? Вот, ей-богу, иногда странно становится, что ты еще не забываешь елдак заправить в штаны, после того как отлил. Надеюсь, шмаль, скуренная тобой в семидесятые, того стоила. Вообще, какого хрена ты на кровать его выложил?

Если костюм не в чулане, стало быть, он выбрался оттуда сам. Однако, рассудив, что объяснять это Джорджии без толку, Джуд промолчал и сделал вид, будто занят уборкой.

Обойдя стол, он перевернул рамку с платиновым диском, упавшую со стены. Диск, как и стекло в рамке, разбился на куски. Разомкнув обрамление, Джуд перевернул рамку набок. Осколки стекла с музыкальным звоном посыпались в мусорную корзину возле стола. Тогда Джуд выковырнул из рамки обломки разбитого диска с платиновым альбомом, достопамятным «Судом Линча в теплой компании», и тоже сунул их – шесть стальных ятаганных клинков, украшенных кольцевыми бороздками, – в корзину с мусором. Так, что дальше? Наверное, человек думающий пошел бы еще раз взглянуть на костюм. Выпрямившись, он повернулся к Джорджии.

– Давай-ка, знаешь, приляг. Выглядишь – жутче некуда. А я уберу костюм и укрою тебя потеплее.

С этим он осторожно подхватил Джорджию под локоть, но та вырвала руку.

– Ну уж нет. От кровати тоже несет. Все простыни этой дрянью провоняли.

– Так кто нам мешает новые постелить?

Снова взяв Джорджию под руку, Джуд вывел ее в коридор. Мертвец как ни в чем не бывало сидел на прежнем месте, в двух третях пути до того конца коридора, в шейкерском кресле у левой стены, задумчиво склонив книзу голову. Там, где следовало быть его ногам, полумрак рассекал солнечный луч, падавший внутрь сквозь окно, и в свете утреннего солнца часть ног исчезала из виду. Все это придавало ему заметное сходство с ветераном войны. Черные брюки заканчивались культями немного выше колен. У самого пола, куда луч не доставал, сверкали безукоризненно вычищенные туфли с торчащими из них щиколотками в черных носках. Однако между бедрами и щиколотками не было ничего – никаких тебе ног, кроме глянцевитых, превосходного светлого дерева, ножек кресла.

Едва заметив его, Джуд поспешил отвести взгляд. Смотреть на старика и даже думать о нем он не желал, совсем не желал и покосился на Джорджию: видит ли она призрака? Но Джорджия, нога за ногу ковыляя с ним под руку к спальне, уткнулась взглядом в пол, опустила голову так, что челка падала на глаза. Сказать бы ей: «Погляди» – проверить, увидит ли старика и она… но страх перед мертвецом, опасения, как бы он не услышал, не поднял взгляда, намертво приморозили язык к нёбу.

Конечно, надеяться, что мертвец не заметит их, проходящих мимо, было чистым безумием, однако Джуду почему-то казалось: если идти потише, не нашуметь, проскользнуть вполне можно. Веки мертвеца были сомкнуты, подбородок едва не касался груди… с виду – обычный старик, задремавший на утреннем солнышке, и сейчас Джуду больше всего на свете хотелось бы, чтоб он сидел себе как сидит. Не шевелясь. Не просыпаясь. Не открывая глаз… самое главное – не открывая глаз.

Мало-помалу они подошли совсем близко, однако Джорджия по-прежнему не смотрела на мертвеца. Наоборот, сонно склонила голову на плечо Джуду и прикрыла глаза.

– Так с чего тебе вздумалось громить студию? Ты, кажется, там даже кричал. По-моему, крики я слышала тоже.

Смотреть на мертвеца Джуду не хотелось по-прежнему, но удержаться он не сумел. Призрак сидел все так же, не шевелясь, склонив голову на сторону, слегка улыбаясь, словно размышлял или грезил о чем-то приятном. Джорджии он, похоже, не слышал. Тут в голове Джуда забрезжила смутная, с трудом выразимая словами мысль. С закрытыми глазами, склонивший голову набок, призрак казался не столько дремлющим, сколько прислушивающимся, ждущим чего-то. «Или кого-то… меня, – подумалось Джуду. – Сидит, дожидается, пока я не признаюсь, что вижу его, и вот тогда сам соизволит или попросту сможет меня заметить».

Приблизившись к старику вплотную, Джуд подался в сторону, прижался плечом к плечу Джорджии, чтоб не задеть мертвеца на ходу.

– От этого я и проснулась. От шума, а после от вони…

Негромко кашлянув, Джорджия подняла голову, сонно сощурилась на дверь спальни. Мертвеца она все еще не замечала, хотя оба как раз шли мимо сидящего у стены старика, и вдруг заупрямилась, замерла на месте.

– Нет уж. Пока ты с костюмом этим не разберешься, я туда не пойду.

Но Джуд, крепко стиснув ее запястье, подтолкнул Джорджию к спальне. Джорджия, пискнув от боли и возмущения, рванулась прочь.

– Какого хрена?!

– Иди, не стой, – велел Джуд и тут же спохватился: он заговорил!

Сердце в груди болезненно екнуло. Охваченный ужасом, Джуд покосился на мертвеца, и в тот же миг призрак поднял голову, открыл глаза… однако на месте глаз, под веками старика, чернела какая-то беспорядочная мазня, как будто ребенок, взявшись за «Волшебный маркер»[19 - Одна из самых популярных, старейших в США марок фломастеров. Волшебными они были названы из-за возможности рисовать почти на любой поверхности.] – да не простой, вправду волшебный, каким можно рисовать прямо в воздухе, – принялся отчаянно, яростно замазывать их. Черные линии корчились, извивались, сплетались друг с дружкой, точно клубок червей.

Волоча за собой упирающуюся, скулящую Джорджию, Джуд миновал старика, а в конце коридора, у двери спальни, оглянулся назад.

Призрак поднялся с кресла, и в полумраке за краем полоски света, падавшего из окна, проступили, обрели видимость его ноги – длинные, безукоризненно выглаженные черные брючины над блестящими туфлями. Вытянув в сторону правую руку, мертвец повернул книзу раскрытую ладонь, и с ладони его соскользнул, закачался на тонкой золотой цепочке плоский, серебристый, отполированный до зеркального блеска медальон… нет, не медальон – нечто наподобие изогнутой полумесяцем бритвы, миниатюрной, кукольной копии того самого маятника из рассказа Эдгара По. Другой конец цепочки был соединен с кольцом на его пальце. С обручальным кольцом – а бритва, стало быть, за нареченную. Удостоверившись, что Джуд успел разглядеть ее, мертвец резко, точно мальчишка, забавляющийся с йо-йо, встряхнул кистью руки, и крохотный полумесяц бритвы послушно прыгнул к нему в ладонь.

С трудом сдерживая рвущийся из груди стон, Джуд втолкнул Джорджию в спальню и судорожно захлопнул за собой дверь.

– Ты что творишь?! – взвизгнула Джорджия, наконец-то вырвавшись и шарахнувшись от него прочь.

– Заткнись.

В ярости Джорджия врезала ему в плечо с левой, а правой, похоже забыв о вспухшем пальце, хлестнула по спине. Ясное дело, самой ей досталось куда сильнее, чем Джуду. Негромко, сдавленно ахнув от боли, Джорджия унялась.

Джуд, не выпуская из рук дверной ручки, прислушался. Из коридора не доносилось ни звука.

Тогда Джуд приоткрыл дверь и выглянул в трехдюймовую щель, готовый тут же захлопнуть ее при виде мертвеца с бритвой на цепочке.

Коридор оказался пуст.

Прикрыв глаза, притворив дверь, Джуд прижался к ней лбом, набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание и не спеша выдохнул. Со лба градом катился пот. Джуд поднял руку, чтоб утереть лицо, и тут что-то острое, жесткое, холодное, точно лед, легонько коснулось щеки. Открыв глаза, Джуд обнаружил, что держит в руке кривую бритву мертвого старика, а в ее иссиня-серебристой стали отражается его собственный вытаращенный, немигающий глаз.

С криком швырнув бритву на пол, Джуд опустил взгляд под ноги… однако бритва исчезла, как не бывало.

11

Охваченный ужасом, Джуд попятился прочь от двери. Тишину в спальне нарушало лишь частое, прерывистое дыхание – его собственное и Мэрибет. Да, в эту минуту она снова сделалась Мэрибет: данное ей Джудом прозвище начисто вылетело из головы.

– Ты каким дерьмом наширялся? – слегка врастяжку, с едва уловимым, однако заметным намеком на говорок хиллбилли[20 - Пентюх, деревенщина, неграмотный фермер, как правило, с юга США (амер. англ.).] из южных штатов, спросила она.

– Джорджия, – вспомнил Джуд. – Нет, никаким. В своем уме и трезв как стеклышко.

– Ага, как же, оно и видно. Чего нанюхался?

Едва уловимый гнусавый южный акцент исчез с той же внезапностью, с какой прорвался наружу. Прожив пару лет в Нью-Йорке, Джорджия все это время старательно избавлялась от южного говора: какой же девчонке охота, чтоб ее принимали за кукурузницу из захолустья?

– С любого дерьма, сколько его ни есть, я уже много лет как соскочил. И не раз говорил об этом.

– А там, в коридоре? Ты вроде бы что-то увидел… а что?

Джуд смерил Джорджию предостерегающим взглядом, но она словно бы ничего не заметила. Так и стояла напротив, в пижаме, скрестив перед грудью руки, пряча ладони под мышками, а ноги расставив пошире, как будто затем, чтоб преградить ему путь, вздумай он пройти мимо нее дальше, в глубину спальни… хотя девчонке сотней фунтов легче него рассчитывать на что-то подобное – чистый абсурд.

– Старика, сидевшего посреди коридора. В кресле у стенки, – ответил он, помолчав: надо же было ей хоть что-то ответить, а врать вроде как ни к чему (мнение Джорджии насчет здравия его ума Джуда не волновало ничуть). – Мы прошли мимо прямо у него перед носом, но ты его не заметила. Не знаю… может, ты его видеть и не должна?

– Фигня какая-то…

Впрочем, сказано это было без особой уверенности.

Джуд двинулся к кровати, и Джорджия посторонилась, прижавшись спиной к стене.

Костюм мертвеца, аккуратно расправленный, лежал на матрасе, на месте Джуда. Глубокая, в форме сердечка, коробка со свесившимся через край белым листом папиросной бумаги лежала на полу рядом с крышкой. Амбре, испускаемое костюмом, шибануло в нос шагов уже с четырех, да так, что Джуд невольно втянул голову в плечи. В первый раз вынутый из коробки костюм так не вонял – он бы заметил. Сейчас не заметить вони уж точно было бы невозможно: от костюма густо несло тленом, падалью, мертвечиной.

– Бог ты мой, – ахнул Джуд.

Джорджия, державшаяся поодаль, прикрыла ладошкой ноздри и рот.

– Ну да, а я о чем? Мне сразу подумалось: может, в карманах что-то лежало и стухло со временем? Съедобное что-нибудь.

Дыша через рот, Джуд охлопал карманы пиджака и брюк. Он тоже считал, что с очень большой вероятностью нащупает что-нибудь в последней стадии

разложения. На его взгляд, с этой Джессики Макдермотт-Прайс вполне сталось бы сунуть в карман пиджака дохлую крысу – милый такой пустячок, бесплатный довесок к покупке, однако в карманах нашелся только твердый плоский прямоугольник вроде кусочка пластика. Сунув руку в карман, Джуд осторожно извлек находку.

Прямоугольник оказался фотоснимком, причем прекрасно ему знакомым – любимым снимком Анны с ними обоими в кадре. Щелкнул их Дэнни на исходе дня под конец августа: переднее крыльцо залито розоватыми, теплыми лучами заходящего солнца, вокруг мерцают кружащие в воздухе звездочки пыли, среди пылинок вьются стрекозы. Джуд в поношенной джинсовой куртке сидит на ступенях с «Добро» в руках. Анна, зажав ладони меж бедер, сидит рядом, смотрит, как он играет. У ног их, вольготно растянувшись в пыли, озадаченно глядя в объектив, лежат Ангус с Бон.

Славный денек был… возможно, один из последних хороших дней перед тем, как все покатилось к чертям, но никакого удовольствия находка Джуду не принесла. Кто-то, вооружившись «Шарпи»[21 - Еще одна популярная в США марка фломастеров различного назначения.], дрожащей от ярости рукой закрасил черным глаза Джуда на снимке.

– А как он выглядел, этот призрак в коридоре? – неуверенно, робко спросила Джорджия, не приближаясь к нему ни на шаг.

Заслоненного спиной Джуда снимка она не заметила – и хорошо. Не хотелось бы Джуду, чтоб она его видела.

Совладать с голосом оказалось нелегко: слишком уж неприятно поразил Джуда собственный портрет с глазами, закрашенными множеством черных штрихов.

– Будто старик, – откашлявшись, ответил Джуд. – Старик в этом самом костюме.

«И точно с такими же жуткими черными каракулями поверх глаз, как эти», – едва не добавил он, повернувшись к Джорджии и показав ей снимок, однако ничего подобного не сделал и не сказал.

– И что он? Просто сидел? – спросила Джорджия. – Больше ничего не случилось?

– Он поднялся и показал мне бритву на цепочке. Маленькую такую, забавной формы. Кривую, как полумесяц.

В тот день, когда Дэнни снимал их, Анна еще оставалась в своем уме и Джуду казалась вполне довольной жизнью. Сам Джуд большую часть того августовского дня пролежал под «Мустангом», а Анна, державшаяся рядом, порой тоже забиралась под днище машины, чтоб подать ему то нужный ключ, то необходимую деталь. И на снимке вышла с пятном машинного масла под нижней губой, с ладонями и коленками, сплошь перемазанными той самой трудовой грязью, что красивее всякого макияжа, той самой, которой вполне можно гордиться. Вся перемазана, брови приподняты, меж бровей симпатичная складочка, рот приоткрыла, будто вот-вот рассмеется или скорее задаст очередной вопрос… «А ты часто рыбачил на озере Поншартрен? А каким твой лучший в жизни пес был?» Эти ее вопросы…

Однако, когда между ними все кончилось, спрашивать, отчего Джуд отсылает ее восвояси, Анна даже не думала. После того вечера, когда он отыскал ее бегущей по обочине хайвэя в одной футболке под гудки проезжающих мимо, тут и спрашивать было не о чем. Втащив Анну в кабину, Джуд замахнулся, чтоб врезать ей как следует, но вместо этого саданул кулаком по баранке руля – раз, и другой, и третий, так что костяшки до крови разбил. А после сказал, что с него хватит, что шмотки ее он соберет, и пусть она катится домой, восвояси. На это Анна сказала, что умрет без него, а он пообещал прислать букет ей на похороны.

Ну что ж… выходит, она слово сдержала, а вот он с исполнением обещания опоздал.

– Джуд, это ты поприкалываться надо мной решил? – спросила Джорджия. – Если да, хреновые у тебя шутки.

Голос ее прозвучал чуть не над самым ухом. Очевидно, Джорджия, преодолев отвращение к вони, подкралась ближе, и Джуд едва успел сунуть снимок обратно, в карман пиджака, пока она не заметила.

– Нет, это не шутки. Может быть, я, конечно, с ума понемногу схожу, но, по-моему, все не так просто. Дамочка, продавшая мне… костюм… знала, что делает. Ее младшая сестра, одна из наших фанаток, покончила с собой, а эта баба считает, что в ее смерти виноват я. Час назад я говорил с ней по телефону, и она

сама мне об этом сказала. И это мне точно не померещилось: Дэнни был рядом и слышал весь разговор. Она хочет со мной поквитаться. И потому прислала по мою душу привидение, дух умершего отчима. Который я только что видел в коридоре. И ночью, кстати сказать, тоже видел.

С этими словами Джуд принялся сворачивать костюм, чтоб уложить его обратно в коробку.

– Сожги эту дрянь, – с неожиданной, изрядно удивившей Джуда горячностью выпалила Джорджия. – Вынеси этот поганый костюм во двор и сожги!

На миг Джуда охватило сильное желание так и поступить – найти в кладовой бензин для зажигалок, облить им костюм мертвеца да спалить на подъездной дорожке. Однако это желание тут же показалось ему крайне сомнительным: необратимость такого поступка откровенно пугала. Как знать, что за мосты сожжешь вместе с тряпьем? Вдобавок в голове вроде бы смутно забрезжила какая-то мысль насчет жутко воняющего костюма, насчет того, какой от него может быть толк, но мысль эта ускользнула, прежде чем Джуд успел на ней сосредоточиться. Устал он жутко: вот, даже мысль удержать не в силах…

В каких бы суевериях, в каких бы нелогичных, неясных даже самому Джуду резонах ни коренилось стремление сберечь костюм мертвеца, стоило ему открыть рот, вполне разумное объяснение сорвалось с языка само по себе:

– Нет, жечь его мы не будем: это ж улика. Если мы решим подвести ее под статью, моему адвокату этот костюм еще пригодится.

Джорджия негромко, невесело рассмеялась.

– Под какую статью? Нападение с применением духа летального действия?

– Да нет же. Преднамеренное причинение беспокойства, запугивание, да и угроза убийством, пусть даже бредовая… одним словом, статья-то в законах найдется.

Свернув костюм, Джуд уложил его в коробку, в гнездышко из папиросной бумаги. Дышал он все это время ртом, отвернувшись от вони.

– Вся комната провоняла… слушай, не хочу показаться тряпкой, но меня, похоже, вот-вот вывернет, – предупредила Джорджия.

Джуд искоса взглянул на подружку. Бессмысленно глядя на глянцевитую черную коробку в форме сердечка, правую руку она рассеянно прижимала к груди… а ведь еще пару минут назад прятала ладонь под мышкой. Большой палец разнесло сильней прежнего, белесый волдырь в месте укола величиной с ластик на кончике карандаша поблескивал, лоснился, налитый гноем. Заметив, куда Джуд смотрит, Джорджия тоже опустила взгляд книзу, а после с горькой улыбкой подняла голову.

– Нехилый гнойник-то, – заметил Джуд.

– Вижу. «Бактином» уже побрызгала.

– По-моему, с этим врачу нужно бы показаться. От столбняка «Бактин» не поможет.

Джорджия легонько сжала двумя пальцами вспухший нарыв.

– А все из-за укола булавкой, спрятанной в пиджаке. Что, если ее отравили?

– Ну, был бы на ней цианистый калий, мы б уже поняли.

– А если зараза какая-нибудь вроде чумы?

– Я говорил с этой женщиной. Тупа, конечно, как стейк говяжий, и курс галоперидола ей очень бы не помешал, но что-то отравленное мне прислать… нет, это вряд ли. Она ведь понимает, что за такое мигом в тюрьму угодит.

Взяв Джорджию за запястье, Джуд поднял ее руку и пригляделся к большому пальцу. Кожа вокруг нарыва размякла, загноилась, сморщилась, как будто долгое время мокла в воде.

– Знаешь, поди-ка, устройся у телевизора, а я скажу Дэнни, чтоб на прием к доктору тебя записал.

Отпустив руку Джорджии, он указал взглядом на дверь, но Джорджия даже не шевельнулась.

– Глянь в коридор, – попросила она. – Он еще там?

Джуд поднял брови, но затем согласно кивнул, шагнул к двери, отворил ее на полфута и выглянул наружу. Солнце сместилось в сторону, а может, скрылось за облаком, и коридор укрыла прохладная тень. Нет, в шейкерском кресле у стенки никого не видать… и рядом, в углу, нет никаких стариков с бритвами на цепочке…

– Пусто.

Джорджия тронула левой, непострадавшей ладонью его плечо.

– Я как-то раз видела привидение. Девчонкой еще, в детстве.

Этому Джуд нисколько не удивился. Готки, не имеющей никакого касательства к сверхъестественному, не верящей с полным, обескураживающим чистосердечием в астральных двойников, в ангелов или в викканское чародейство, он в жизни еще не встречал.

– Жила я тогда у Бамми. У бабушки. Случилось это вскоре после того, как папаша впервые вышвырнул меня за порог. Как-то после обеда пошла я на кухню налить себе бабушкина лимонада – бабуля его здорово умела готовить, выглянула в окно и вижу: девчонка какая-то на заднем дворе. Сидит, рвет одуванчики, дует на них, чтоб «парашютики» разлетались – ну, знаешь, как дети обычно играют, – и что-то напевает себе под нос. Сама с виду года на три младше меня, в платье таком, из самых дешевых… Подняла я оконную раму, чтоб наорать на нее, выяснить, что ей понадобилось у нас во дворе, а девчонка услышала скрип, обернулась, подняла взгляд, и тут-то мне стало ясно: да она же – покойница! Глаза у нее оказались… будто бы черным замазаны сплошь.

– В каком смысле «замазаны»? – оторопел Джуд, чувствуя, как предплечья покрываются жесткими, зябкими бугорками гусиной кожи.

– Ну, черные такие… и даже вообще на глаза не похожи. Вроде как… вроде как закрасил их кто-то поверху.

– Закрасил, – повторил Джуд.

– Да. Черным фломастером замалевал. Тут она от меня отвернулась, будто бы за забор смотрит, вскочила и двинулась через двор. Идет и губами на ходу шевелит, точно говорит с кем-то, только рядом нет никого и мне ни слова не слышно. Вот когда она рвала одуванчики и пела, я ее голос слышала, а стоило ей подняться и с кем-то заговорить – как отрезало. Отчего странность такая, отчего я песню услышала, а разговор нет, до сих пор не пойму. Гляжу: тянется девчонка кверху, будто перед ней, сразу за бабулиным забором, стоит кто-то невидимый, а она берет его за руку.

И вот тут перепугалась я вдруг до мурашек по коже. Нутром чую: сейчас нехорошее что-то с ней приключится, хочу крикнуть ей, чтоб отпустила чужую руку, кто бы там, за забором, ни был, чтоб бежала от него поскорей… только от страха горло перехватило. А девчонка оглянулась на меня еще раз, вроде как с грустью, хоть глаз, черным закрашенных, и не разглядеть, оторвалась от земли и – вот, ей-богу – над забором взлетела. Вернее сказать, не взлетела, а… точно ее невидимые руки подхватили и подняли. Как ее ноги в воздухе закачались… по штакетинам забарабанили… Словом, перемахнула она через забор и исчезла. Меня аж в пот бросило. Не села бы на пол – наверное, не удержалась бы на ногах.

С этим Джорджия мельком взглянула на Джуда – не думает ли он, что она глупости мелет, однако Джуд только молча кивнул в ожидании продолжения.

– Бамми вошла в кухню, раскричалась: «Что это тут с тобой?» – спрашивает. Но когда я ей все рассказала, расстроилась бабуля до слез, села на пол рядом со мной и сказала, что вруньей меня не считает, а видела я ее сестру-близняшку, Рут.

Про Рут я и прежде слышала и знала, что она погибла, когда Бамми была совсем маленькой, но что с ней случилось на самом деле, бабуля до того дня не рассказывала. Я всю жизнь думала, будто Рут под машину попала или еще что-то вроде, но нет, ничего подобного, вышло все вот как. Однажды – было им тогда лет семь-восемь, то есть где-то в 1950-х, мать позвала их обедать. Бамми

отправилась к столу, а Рути задержалась во дворе: есть не слишком хотела, да и вообще непослушной росла. А пока Бамми с предками за обедом сидели, кто-то ее прямо с заднего двора уволок. Живой Рут с тех пор больше не видели. Только время от времени разные люди замечали ее у Бамми на заднем дворе – как она сдувает пух с одуванчиков, а после кто-то невидимый уносит ее неизвестно куда. Призрак Рут многие видели – и мать моя видела, и муж Бамми видел однажды, и кое-кто из подруг Бамми, и сама Бамми тоже.

И со всеми, кому Рут ни показывалась, выходило в точности так же, как вышло со мной. Каждому хотелось крикнуть: не ходи, держись от того, кто там, за забором, подальше… и у всех до единого при виде нее со страху отказывал голос. А еще Бамми сказала, что всему этому, наверное, не будет конца, пока кто-нибудь не наберется храбрости и не остережет Рут. Что дух Рут будто застрял в кошмарном сне, снова и снова повторяющем последние минуты ее жизни, и не освободится, пока его не окликнут и не разбудят.

На этом Джорджия, гулко сглотнув, умолкла, склонила голову, так что черные пряди челки заслонили глаза.

– Не верится мне, что этот мертвец желает нам зла, – в конце концов сказала она. – Ведь духам мертвых обычно нужна наша помощь. Разве не за нею они являются к нам? Если увидишь его еще раз, попробуй поговорить с ним. Попробуй выяснить, что ему нужно.

На взгляд Джуда, ни о каких «если» тут речи быть не могло. С духом-то он непременно увидится, вопрос только когда… а что ему нужно, Джуду уже известно.

– Он не для болтовни к нам явился, – ответил Джуд.

12

Не зная, что делать дальше, Джуд решил заварить чаю. Все просто, заучено до автоматизма: наполнить чайник водой, насыпать заварки в ситечко, отыскать кружку – прекрасная возможность собраться с мыслями, убить время, побыть, наконец, в тишине…

Стоя у плиты, вслушиваясь в негромкое пощелкивание чайника, Джуд с удовлетворением отметил, что не так уж и перепуган. Бежать он был не готов, да и какой в бегстве толк? Куда бежать-то? Где будет лучше, чем здесь? Джессика Прайс сказала, что мертвец теперь принадлежит ему и последует за ним, куда бы он ни отправился. Вспомнив об этом, Джуд живо представил себе, как летит в Калифорнию, усаживается на место в салоне первого класса, оглядывается по сторонам и видит рядом, в соседнем кресле, мертвеца с подрагивающими, словно парящими в воздухе, сгустками черных каракулей поверх глаз… и, невольно вздрогнув, покачал головой. Нет уж, оборону лучше всего держать дома – по крайней мере, пока он не придумает места надежнее. Кроме этого, Джуд терпеть не мог летать самолетом с собаками. В прежние дни, мотаясь по гастролям, собак он неизменно брал с собой в автобус.

А еще, что бы ни говорил он Джорджии, звонить в полицию или своему адвокату ему не хотелось еще сильнее. Нет, нет, закон сюда вмешивать – дело уж вовсе последнее, хуже некуда. Ну ладно, притянут к суду эту Джессику Макдермотт-Прайс, и много ли с того радости? Может, с ней он и поквитается, но мертвец-то от него не отвяжется, это как пить дать. «Ужастиков» Джуд насмотрелся в избытке.

Кроме того, звать на помощь полицию было совсем не в его характере, а это ведь тоже дело немалой важности. Собственная натура – вот первое и единственное, величайшее творение Джуда, прокатный стан, с которого сошли все остальные его успехи, все стоящее, все самое важное в его жизни, и этот прокатный стан Джуд будет защищать, беречь до конца.

Вдобавок призрак умершего – еще ладно, в такое вполне можно поверить, но на мстительного демона, воплощение чистого зла мертвец, пожалуй, не тянет. Маловато для этого одних черных каракулей поверх глаз да изогнутой полумесяцем бритвы на золотой цепочке. А вот, кстати: чем Анна вены резала?

С этими мыслями Джуд вновь осознал, как холодно в кухне, заметил, что помимо собственной воли жмется поближе к плите, греясь в тепле, исходящем от чайника. Внезапно ему сделалось ясно как день: вены Анна вскрыла не чем-нибудь, а той самой бритвой, маятником на цепочке, помогавшим ее папаше погружать в гипнотический сон отчаявшихся простаков и искать под землей источники чистой воды. Интересно… что же еще можно разузнать о смерти Анны, а заодно о человеке, заменившем ей отца и обнаружившем ее тело в ванне, в остывшей, темной от крови воде, если покопаться как следует?

Может быть, Дэнни уже отыскал ее письма? Перечитывать их Джуд не на шутку боялся, но знал: без этого не обойтись. Письма он помнил неплохо и теперь понимал, что в каждом из них Анна пыталась рассказать ему, к чему идет дело, а он все упустил. Нет, не упустил, хуже – не пожелал ничего замечать, сознательно проигнорировал лежащее под самым носом.

От первых ее писем из дому веяло живым, беззаботным оптимизмом: судя по подтексту, Анна взялась за ум и всерьез, как подобает человеку взрослому, занялась собственным будущим. Написаны они были на дорогой, плотной почтовой бумаге, ровным, слитным, не без изящества почерком и, подобно всем прежним беседам, изобиловали вопросами, хотя теперь, в переписке, на ответы она, похоже, не рассчитывала. К примеру, писала, что целый месяц рассылала работодателям резюме, а после риторически спрашивала, не зря ли явилась на собеседование в центр дневного ухода за престарелыми с черной помадой на губах и байкерских сапогах. Или описывала два колледжа и долго, пространно раздумывала, какой из них лучше выбрать. Но все это было сплошным надувательством, и Джуд живо ее раскусил. Работы в центре по уходу за стариками Анна мало того что не получила, но даже не заикалась о ней после того, первого и единственного раза. А к началу весеннего семестра будто бы подала документы в академию косметологов, напрочь забыв о колледже.

Последние несколько писем отражали состояние ее психики куда точнее и достовернее. Эти были написаны на обычных листочках в линейку, вырванных из блокнота, жутко корявым, трудночитаемым почерком. В них Анна жаловалась, что не знает ни сна, ни покоя, ни отдыха. Писала, что сестра ее переехала в новый строящийся район, что по соседству, совсем рядом, возводят дом, что со стройки каждый день с утра до ночи доносится стук молотков и что живется ей – будто возле мастерской гробовщика сразу же после морового поветрия. Что по ночам, стоит лишь задремать, молотки снова берутся за дело, стучат, и стучат, и стучат, и плевать им, что на стройке нет ни души! Что уснуть она уже не надеется. Что сестра пытается организовать ей лечение от бессонницы. А еще Анне о многом хочется поговорить, только не с кем, а разговаривать с самой собой – это так скучно… «Устала я, – писала Анна. – Устала от этой скуки невыносимо».

Еще она умоляла Джуда позвонить ей, но он так и не позвонил. Достало его, если честно, это нытье, а вытаскивать ее из депрессий стоило слишком уж многих трудов. Пока они не расстались, Джуд пробовал, и не раз, но все его старания оказались напрасны. Он сделал все, что только мог, толку из этого

не вышло, однако Анна никак не желала оставить его в покое. Джуд сам не понимал, зачем вообще читает ее письма да еще иногда отвечает на них, и просто ждал, когда же все это кончится… и наконец дождался.

Вот сейчас Дэнни отыщет ее письма, а после запишет Джорджию к врачу на прием. Не слишком-то грандиозные замыслы, но все лучше, чем ничего: десять минут назад у него и таких не имелось. Подумав об этом, Джуд залил чай кипятком, и притормозившее время потекло дальше.

Прихватив с собой кружку, он направился в офис, но Дэнни на месте не оказалось. Остановившись в дверях, Джуд оглядел пустой кабинет и внимательно вслушался в тишину. Нет, ни звука, ни шороха… Может, он в туалете? Тоже нет: дверь, как и вчера, чуток приоткрыта, за дверью темным-темно. Наверное, пообедать поехал.

Джуд двинулся к окну проверить, на месте ли машина Дэнни, однако на полпути задержался, свернул к секретарскому столу и поворошил лежавшие на нем бумаги в поисках писем Анны. Нет, если Дэнни и откопал их, то спрятал где-то, подальше от лишних глаз. Ничего не найдя, Джуд уселся в кресло Дэнни и запустил веб-браузер на его компьютере. Не найдется ли в Сети чего интересного о приемном папаше Анны? По нынешним временам в интернете чуть не про всякого что-нибудь да отыщешь. «Возможно, у мертвеца даже аккаунт в «МайСпейс»[22 - Международная социальная сеть, одно время – самая популярная в США и во всем мире.] имеется», – с недобрым, приглушенным грудным смешком подумал Джуд.

Имени мертвеца он припомнить не смог и потому набрал в строке поиска просто: «Макдермотт гипноз смерть». Первым же выданным результатом оказалась ссылка на некролог, опубликованный минувшим летом в «Пенсакола Ньюс Джорнел» по поводу кончины Крэддока Джеймса Макдермотта. Ага, стало быть, Крэддок… ну-ну.

Джуд кликнул на ссылку, и… да, вот оно! Точно в яблочко.

На черно-белом фото был изображен тот самый старик, с которым Джуд уже дважды сталкивался наверху в коридоре, только чуть помоложе. Лет этак шестидесяти, бодрый, подтянутый, стриженный точно так же, «ежиком», на армейский манер, лицо удлиненное, едва ли не лошадиное, рот широк, губы

тонки… надо же, вылитый Чарлтон Хестон![23 - Известный американский актер и кинорежиссер XX в., лауреат премии «Оскар», семь раз избранный президентом Гильдии киноактеров.] Однако главной неожиданностью, преподнесенной Джуду прижизненным фото Крэддока, оказались глаза – самые обыкновенные, как у всякого человека. Открытые, ясные, они взирали в Вечность с вызывающей самоуверенностью, свойственной куче пламенных ораторов и евангелистских проповедников со всей страны.

Взгляд Джуда заскользил по строчкам. В некрологе говорилось, что во вторник, десятого августа, трагически оборвалась невероятно насыщенная, целиком посвященная учебе и преподаванию, полная научных изысканий и головокружительных приключений жизнь Крэддока Джеймса Макдермотта, скончавшегося в доме приемной дочери (Тестамент, Флорида) от эмболии головного мозга. Истинный сын Юга, единственный ребенок пятидесятнического священнослужителя, жил он в Саванне и Атланте (Джорджия), а позже – в Галвестоне (Техас).

В 1965-м игравший за «Лонгхорнс» в амплуа уайд ресивера[24 - В американском футболе – игрок, специализирующийся на приеме паса, после чего должен как можно дальше вырваться вперед, набрав максимальное количество ярдов.], по завершении образования он был призван на военную службу, а проходил ее в одном из подразделений психологических операций. Именно там, ознакомленный с основами гипнотического воздействия, он и открыл в себе дар гипнотизера, нашел призвание всей своей жизни. Во Вьетнаме он был удостоен «Пурпурного сердца» и «Бронзовой звезды», после почетной отставки поселился во Флориде, в 1980-м сочетался браком с Полой Джой Уильямс, библиотекаршей, стал отчимом двух ее дочерей, Джессики и Анны, а позже удочерил их. Основой любви Полы и Крэддока послужили чистосердечная, не напоказ, вера в Бога, глубочайшее доверие друг к другу, а также обоюдная увлеченность неисследованными возможностями человеческого духа.

Тут Джуд наморщил лоб. Любопытная фразочка: «обоюдная увлеченность неисследованными возможностями человеческого духа»… Что это может значить, он себе даже не представлял.

Их отношения продолжались до самой смерти Полы, скончавшейся в 1986-м. На протяжении жизни Крэддок успел позаботиться почти о десяти тысячах «пациентов» (на этом месте Джуд насмешливо хмыкнул), погружая их в глубокий гипнотический транс, облегчая страдания больных и помогая

нуждающимся избавляться от пагубных слабостей, а ныне сей благородный труд продолжает старшая из его приемных дочерей, частный консультант Джессика Макдермотт-Прайс. Тут Джуд хмыкнул снова. Небось, сама и писала этот некролог… удивительно, что собственного телефона сюда же не поместила с припиской: «Скажите, что узнали обо мне из некролога в память о приемном отце, и получите 10 % скидки на первый сеанс!!!»

Интерес к спиритуализму и нераскрытому потенциалу человеческого сознания привел Крэддока к экспериментам в области т. н. лозоходства, старинной крестьянской методики поиска подземных источников воды при помощи лозы либо маятника. Однако тем же способом он помог великому множеству современников, встреченных на жизненном пути, обнаружить в самих себе потаенные источники силы и самоуважения и посему навеки останется жив в памяти приемной дочери, не говоря уж обо всех, кто знал его и любил. «Пусть и умолкший, голос его не будет забыт вовеки».

И все. О самоубийстве Анны – ни слова.

Джуд еще раз пробежал взглядом текст некролога, задерживаясь на некоторых словосочетаниях, пришедшихся ему не по нраву. «Психологические операции»… «неисследованные возможности»… «нераскрытый потенциал человеческого сознания»… м-да. Раздраженный, он снова взглянул в светлые, слегка сероватые на черно-белом портрете глаза Крэддока, вновь оценил леденящую самоуверенность взгляда, едва ли не злобную улыбку на тонких бесцветных губах. Что говорить, суров, волчара, суров…

Компьютер Дэнни звякнул, оповещая Джуда о новом письме на электронную почту. Да, куда Дэнни-то черт унес? Взглянув на часы компьютера, Джуд обнаружил, что просидел за ним уже двадцать минут, и кликнул на ярлычок почтового клиента Дэнни, ящика, куда приходили письма для них обоих. Новый и-мейл был адресован Джуду.

Взглянув на адрес отправителя, Джуд заерзал, выпрямился, напряг грудные мышцы и пресс, будто готовясь к удару… и удар, так сказать, угодил прямо под ложечку. Письмо пришло с адреса craddockm@box.closet.net[25 - То есть «крэддокм@коробка. чулан. net».].

Открыв письмо, Джуд начал читать.

дорогой джуд

с темнотой едем прочь едем в ночь едем к яме могильной умер я ты умрешь
и любой кто с тобой заразится твоей нашей смертью зараженные смертью
в могилу мы ляжем вдвоем ты да я и укроет нас сверху земля ляляля мертвый
тащит живущего книзу ко дну и пришедших на помощь тебе ты да я мы с тобой
вниз утащим на спины на плечи их встанем и никто не спасется никто не уйдет
глубока наша яма земля тяжела и услышав твой голос всякий сразу поймет это
правда джуд мертв я мертвец ты умрешь и услышишь меня нас с тобой и тогда
ты да я мы с тобою помчимся дорогой ночной до конца до конца туда где
по тебе где по нам плачут ветры выйдем к краю могилы и вниз упадем друг
за друга держась вместе вниз упадем спой же нам спой на нашей с тобою
могиле спой же спой ляляля

Казалось, в груди вместо воздуха застрял плотный ком обжигающе-ледяных игл и булавок. «Психологические операции», – мелькнуло ни с того ни с сего в голове, а затем Джуда охватила неудержимая злость, худшая злость на свете – та самая, которой не найти выхода, не выплеснуться наружу, потому что обругать некого, а что-либо разбить он себе не позволит. Вон, утром швырял книгами в стены, и что? Помогло? Нет уж, на этот раз он злости не поддастся.

С этими мыслями Джуд развернул окно браузера, чтобы снова взглянуть на результаты поиска и поглядеть, нет ли там еще чего-нибудь интересного. Равнодушно скользнувший по странице с некрологом из «Пенсакола Ньюс», взгляд его замер на фотографии. Пока он читал письмо, прежняя картинка сменилась другой. Изрядно состарившийся, иссохший, осунувшийся, точно на грани голодной смерти, Крэддок глумливо скалился с экрана Джуду в лицо, а поверх глаз его чернела беспорядочная, буйная мешанина жирных черных штрихов. Под снимком, в первых строчках некролога, говорилось, что во вторник, десятого августа, трагически оборвалась невероятно насыщенная, целиком посвященная учебе и преподаванию, полная научных изысканий и головокружительных приключений жизнь Крэддока Джеймса Макдермотта, скончавшегося в доме приемной дочери (Тестамент, Флорида) от эмболии головного мозга, но теперь он вернулся, ляляля, однако как же тут холодно, как ему холодно и как холодно станет Джуду, когда Джуд, как и собирался, пустит кровь и себе, и этой девчонке, когда лягут они в могильную яму, когда Джуд споет им, всем им споет…

Вскочил Джуд так резко, с такой неожиданной прытью, что кресло Дэнни, отброшенное назад, опрокинулось, рухнуло на пол. Подхватив со стола монитор, Джуд приподнял его повыше и тоже швырнул об пол. Отрывистый, пронзительный скрежет, хруст бьющегося стекла, внезапный хлопок электрического разряда… и тишина. В следующий миг плавно утих и негромкий гул вентилятора, охлаждавшего материнскую плату. Монитор Джуд разбил инстинктивно, поддавшись ярости, прежде чем успел хоть о чем-то подумать. Вот чтоб его все… да, переоценил он собственное самообладание, переоценил.

Пульс барабанил в виски, будто с цепи сорвавшись, руки тряслись, колени ослабли. Куда, мать его, Дэнни-то запропастился? Взглянув на стенные часы, Джуд обнаружил, что времени – почти два, поздновато уже для обеда. Может, он по делам отлучился? Тогда почему, как обычно, не вызвал Джуда по внутренней связи и не предупредил?

Обогнув стол, Джуд наконец-то дошел до окна, открывавшего вид на подъездную дорожку. Крохотная зеленая «Хонда-гибрид» Дэнни стояла у грунтового кольца для разворота, а Дэнни сидел внутри, на водительском месте, не шевелясь, не моргая, рука на руле, посеревшее лицо неподвижно, бесстрастно, будто окаменело…

Вид Дэнни, сидящего за рулем припаркованной у сарайчика «Хонды» и бессмысленно пялящегося в никуда, остудил ярость Джуда не хуже ведра ледяной воды на голову. Замерев у окна, он устремил на Дэнни пристальный взгляд, но нет, что-либо предпринимать Дэнни даже не думал. На подъездную дорожку, ведущую за ворота, не выруливал и даже не оглядывался по сторонам. Казалось, Дэнни (при этой мысли у Джуда тревожно заныло в суставах) погружен в гипнотический транс. Прошла минута, за нею другая, и чем дольше Джуд наблюдал за ним, тем беспокойнее становилось на сердце, тем сильнее сосало под ложечкой. Наконец, толкнув дверь ладонью, Джуд шагнул за порог, поглядеть, что там с Дэнни не так.

13

Снаружи в лицо дохнуло таким холодом, что заслезились глаза. К тому времени как Джуд дошел до машины, разрумянившиеся щеки пылали огнем, а кончик носа окоченел. Время давно перевалило за полдень, однако Джуд до сих пор расхаживал в поношенном домашнем халате, майке и полосатых «боксерах».

Порыв ледяного ветра хлестнул по ногам, обжег обнаженную грудь.

Дэнни, даже не повернув головы, безучастно глядел вперед сквозь лобовое стекло. Вблизи он выглядел еще жутче – легонько, мерно трясся всем телом, по щеке медленно ползла книзу капелька пота.

Джуд постучал согнутым пальцем в окно. Встрепенувшись, будто внезапно разбуженный, часто-часто моргая, Дэнни кое-как нащупал кнопку и опустил стекло. На Джуда он по-прежнему глядел разве что искоса.

– Ты чего здесь высиживаешь? – спросил Джуд.

– Знаешь, поеду-ка я домой.

– Ты его видел?

– Знаешь, поеду-ка я домой, да поскорее, – повторил Дэнни.

– Ты мертвеца видел? Что он такого сделал? – терпеливо, спокойно спросил Джуд. Когда требовалось, терпеливым он становился – всему свету на зависть.

– Наверное, у меня просто кишечный грипп. Просто кишечный грипп.

Подняв с колен правую руку, Дэнни утер тыльной частью ладони пот со лба, и Джуд увидел, что в кулаке он крепко сжимает пластиковый канцелярский нож.

– Не смей врать, Дэнни, – сказал он. – Мне просто нужно знать, что ты такое видел.

– Глаза у него… черным чем-то исчирканы. И глядел он прямо на меня. Вот если б он прямо на меня не глядел…

– Не может он тебе сделать ничего этакого, Дэнни.

– Как знать… как знать…

Джуд, сунув руку в кабину, стиснул его плечо. Дэнни в страхе шарахнулся прочь и в то же время отмахнулся от Джуда канцелярским ножом. Конечно, пластиковый клинок его даже не оцарапал, однако руку Джуд предпочел убрать.

– Дэнни, да что с тобой?

– Глаза твои… в точности как у него, – пролепетал Дэнни и судорожно, со скрежетом врубил заднюю передачу.

Джуд отскочил от машины, пока Дэнни, сдав задом, не проехался по его ноге, но Дэнни замешкался, не снимая ноги с педали тормоза.

– Я… это… назад сюда не вернусь, – сообщил он баранке руля.

– Окей.

– Я бы помог тебе, честно, помог… но не могу. Не могу.

– Понимаю.

Дэнни дал газу. Зеленая «Хонда», скрежеща щебнем под колесами, сдала назад, развернулась на девяносто, покатила по склону холма вниз, к шоссе, миновала ворота, свернула влево и скрылась с глаз. Больше Джуд Дэнни не видел никогда в жизни.

14

Проводив взглядом уезжавшего Дэнни, Джуд двинулся к сараю – к вольеру с собаками.

Ветер жалил холодом щеки, каждый вдох насквозь промораживал легкие, но Джуд был этому искренне рад: ведь холод-то настоящий! С самого утра, с тех пор как он наткнулся на мертвеца в коридоре, его все настойчивее, все тесней окружало множество фантастических, кошмарных мыслей, упорно лезущих в повседневную жизнь, где им вовсе не место. В такие минуты как никогда хочется ухватиться хоть за что-нибудь твердое, основательное, настоящее,

наложить его, точно скобки, на кровоточащую рану.

Собаки скорбно наблюдали, как он отпирает дверь в их вольер. Проскользнув внутрь, пока они не протиснулись мимо, Джуд присел на корточки, и Ангус с Бон тут же обступили его с двух сторон, тычась носами в лицо. Собаки… они тоже вполне настоящие. Длинные морды, сомкнутые пасти, шоколадные глаза, во взглядах тревога…

– Если со мной что не так, уж вы-то заметили бы? – спросил их Джуд. – Сумели бы черные каракули поверх глаз разглядеть, верно?

Ангус лизнул его щеку – и раз, и другой, а Джуд, чмокнув пса в мокрый нос, провел ладонью по спине Бон, обеспокоенно обнюхивавшей его пах.

Покинув вольер, Джуд решил, что возвращаться в дом ему рановато, и двинулся в сарай. Здесь он обогнул машину и взглянул на собственное отражение в водительском зеркале заднего вида. Нет, никаких черных каракулей. Глаза как глаза, все те же светло-серые зрачки под густыми черными бровями… только взгляд напряжен, будто он замышляет убийство.

«Мустанг» этот, спортивно-гоночный фастбэк 65 года, Джуд в крайне жалком виде приобрел на гастролях у кого-то из осветителей. Гастролировал он тогда десять месяцев кряду, практически без передышек, отправившись в тур вскоре после ухода жены, а по возвращении обнаружил, что дом пуст и заняться ему совершенно нечем. Весь июль и большую часть августа проторчал он в сарае, потроша «Мустанг», избавляя машину от всего проржавевшего, прогоревшего, износившегося, прохудившегося, иструхлявевшего, обросшего коркой спекшегося масла и заменяя отслужившие свое части новыми. Штучный, ручной сборки блок цилиндров, и коленвал, и головки; коробка передач, сцепление, белые кресла с бегущими пони – все родное, оригинальное, кроме того, что касалось звука. В багажнике разместился сабвуфер (лучшая из «базук»), крышу украсила антенна спутникового радио, а штатный радиоприемник уступил место новейшей цифровой стереосистеме. Сколько раз Джуд, с ног до головы в масле, в кровь расшибал костяшки, сколько раз кропил кровью коробку передач… однако подобная грубость «ухаживаний» была вполне в его стиле.

Примерно в это же время у него поселилась Анна. Правда, Анной Джуд никогда подругу не называл – все Флорида да Флорида, а вот сейчас, узнав

о самоубийстве, отчего-то вспомнил ее настоящее имя.

Пока он работал, Анна устраивалась с собаками на заднем сиденье, выставив за окно без стекла ноги в байкерских сапогах. Сидела, подпевала знакомым песням, сюсюкала с Бон, приставала к Джуду с вопросами. Спрашивала, не облысеет ли Джуд с годами («Не знаю»), так как облысевшего она его непременно бросит («И я тебя вполне пойму»); и разонравится ли она ему, если обреется наголо («Да»); и даст ли он ей порулить «Мустангом», когда закончит ремонт («Да»); и приходилось ли ему в жизни драться («В драки я стараюсь не ввязываться – со сломанными пальцами на гитаре не очень-то поиграешь»); и отчего он никогда не рассказывает о родителях (на это Джуд не ответил ни слова); и верит ли он в судьбу («Нет», – ответил он, но соврал).

До Анны с «Мустангом» Джуд записал новый диск, сольник, объехал с гастролями не меньше двадцати четырех стран, отыграл тысячу с лишним концертов. Однако, трудясь над машиной, он впервые с тех пор, как от него ушла Шеннон, почувствовал, что занят чем-то осмысленным, вправду полезным… хотя отчего ремонт машины мог показаться ему честным, полезным трудом, а не хобби скучающего богача, в то время как запись альбомов и выступления в битком набитых концертных залах начали казаться не столько работой, сколько забавой, хобби, не понимал, хоть убей.

Тут в голове его снова забрезжили мысли о том, что надо бежать. Взглянуть на ферму в зеркале заднего вида, дать по газам и ехать, ехать – не важно куда.

Вскоре навеянное неотвязными мыслями о бегстве желание сесть в машину и убраться отсюда, не мешкая ни минуты, сделалось таким сильным, что зубы заныли, однако Джуд не сдавался. Нет уж, никуда он не побежит. Прыгнуть за руль и умчаться куда глаза глядят – это не разумный ход, это попросту паника. Вдобавок подобные соображения наводили на новую мысль – обескураживающую, ни на чем не основанную, но удивительно правдоподобную: да ведь мертвец нарочно подталкивает его к бегству! Намеренно гонит подальше от… от чего? Этого Джуд себе даже не представлял.

Собаки в вольере хором залаяли на промчавшуюся мимо фуру.

Как бы там ни было, Джуд никуда не поедет, не рассказав об этом Джорджии. А если в конце концов решит сваливать, так надо бы прежде одеться. Однако

еще миг спустя он, сам не заметив как, оказался в кабине «Мустанга», за рулем. Прекрасное место для размышлений. Где ему думалось лучше, чем здесь, в машине, с включенным радио?

В небольшом сарайчике-гараже с земляным полом, за наполовину опущенным боковым стеклом, царил полумрак. Казалось, если где рядом и бродит призрак, так разве что призрак Анны, а вовсе не мстительный дух ее приемного папаши, причем Анна сейчас совсем рядом, на заднем сиденье. Ну конечно: заниматься любовью им доводилось и там. Как-то Джуд отправился в дом принести пива, а вернувшись, обнаружил ее в «Мустанге», ждущей его в одних сапогах. И, разумеется, выронил откупоренные банки – и плевать, что пиво пенистой лужей разлилось по полу. В тот миг Джуду плевать было на весь белый свет, кроме ее упругого, двадцатишестилетнего тела, юного пота, смеха да покусывавших шею зубов.

Откинувшись назад, на белую кожаную спинку кресла, он впервые за весь день почувствовал, насколько устал. Руки отяжелели, босые ноги окоченели от холода. Вспомнив о черном кожаном пыльнике, когда-то оставленном на заднем сиденье, Джуд дотянулся до него, укрыл плащом ноги и щелкнул торчащим в замке ключом зажигания, чтоб заработало радио.

Он уже сам не знал, зачем забрался в машину, но сейчас, устроившись поудобнее, даже помыслить не мог о том, чтоб подняться. Снаружи – словно откуда-то из дальней дали – снова донесся назойливый, заполошный собачий лай, и Джуд прибавил громкость, заглушая его.

По радио Джон Леннон пел о том, что он – Морж[26 - Имеется в виду песня Джона Леннона и Пола Маккартни «I Am the Walrus» («Я – Морж»).]. Угревшийся под плащом, Джуд расслабился, обмяк, откинул голову на верхний край спинки кресла. Вкрадчивое воркование баса в руках Пола Маккартни терялось, тонуло в негромком рокоте мотора «Мустанга»… Занятно: ведь двигателя Джуд не заводил, включил только питание с аккумулятора. Вскоре «Битлы» уступили место рекламе.

– Цен вроде наших не найти нигде во всем тристейте![27 - Территория трех штатов, объединенная каким-либо крупным городом (например, Нью-Йоркская агломерация, охватывающая большую часть штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут).] – затараторил Лью из «Импириал Аутос». – Такое снижение цен не по силам никому из конкурентов! Мертвый тащит живущего книзу, ко дну.

Приходите, садитесь за руль новой машины и езжайте, езжайте дорогой ночной! Вместе помчимся, с песней помчимся – ручаюсь, заканчивать гонки вам не захочется… и ей не будет конца!

Раздраженный рекламой, Джуд отыскал в себе силы переключиться на другую станцию. «FUM» транслировала песню с первого в его жизни сингла, громогласную, внаглую содранную у «AC/DC», под названием «Души на продажу». Казалось, во мраке вокруг машины закружили зловещие, бесформенные фигуры, полупрозрачные сгустки тумана, но Джуд, смежив веки, слушал, слушал собственный голос, поющий где-то вдали:

«Душа дороже золота,

Дороже серебра»?

Не до души мне, Господи,

Мне бы пивка с утра!

Тут Джуд негромко хмыкнул себе под нос. Торговать душами – это еще что… его вот не продажа, покупка души до беды довела! В следующий раз обязательно надо проследить, чтоб возврат предусматривался…

С этими мыслями он рассмеялся и чуть приоткрыл глаза. Сидящий рядом, в пассажирском кресле, мертвец, Крэддок, приветливо осклабился, обнажив в улыбке не только пятнистые, желтоватые зубы, но и почерневший язык. От Крэддока явственно несло мертвечиной пополам с автомобильным выхлопом, глаза его по-прежнему прятались под странными, постоянно подрагивающими пучками черных штрихов.

– Проданный товар обратно не принимается и замене не подлежит, – сказал ему Джуд.

Мертвец сочувственно закивал, и Джуд вновь смежил веки. Откуда-то издали кто-то кричал во всю глотку, звал его:

– …уд! Джуд!!! Джуд, отзови…

Однако Джуду ничуть не хотелось, чтоб ему докучали. Хотелось одного – подремать в тишине и покое. До предела откинув назад спинку сиденья, он скрестил руки на животе, глубоко вздохнул раз, другой…

Не тут-то было. Стоило ему задремать, Джорджия ухватила его за локоть, волоком вытянула из кабины на земляной пол. Голос ее накатывал волнами – то утихал, то проявлялся опять:

– …вылазь же оттуда, Джуд, вылазь, чтоб те…

– …олько не умирай, только не…

– …рошу тебя, пожалуйста…

– …глаза, открой же глаза, козлина…

Подняв веки, Джуд вскинулся, сел, неудержимо закашлялся. Створка ворот сарая была сдвинута в сторону, ослепительно-яркие лучи солнца, струившиеся снаружи, казались твердыми, острогранными иглами из хрусталя. Солнечный свет вонзился в глаза так, что Джуд сжался в комок. Полной грудью вдохнув свежий студеный воздух, он открыл было рот, чтоб сказать Джорджии: пусть не волнуется, все с ним в порядке, – но к горлу волной подступила горечь. Скрученный приступом тошноты, Джуд рухнул на четвереньки, и его вырвало на земляной пол. Джорджия, бросившись к Джуду, подхватила его под мышки.

Наконец спазмы в желудке унялись. В голове помутилось, земля закачалась из стороны в сторону. Стоило бросить взгляд за ворота, весь мир снаружи закружился, будто роспись на стенках вазы, вращающейся на гончарном круге. Дом, двор, подъездная дорожка, небо замелькали перед глазами, отчего Джуда снова отчаянно замутило и вывернуло наизнанку.

Впившись ногтями в землю, он ждал, пока мир не остановится. Ясное дело, не остановится он никогда, но об этом, как правило, узнаешь, только обдолбавшись чем-нибудь, или перепив, или лежа с высокой температурой: не замечать непрестанного, тошнотворного коловращения мира под силу лишь человеку в добром здоровье и трезвом уме. Сплюнув, Джуд утер губы запястьем. Мышцы живота ныли, сведенные судорогой, будто после жесткого, на несколько дюжин повторов подряд, качания пресса – что, если вдуматься, отстояло

от истины не так уж и далеко. Сев, Джуд повернулся к машине. Движок «Мустанга» работал. В кабине не было никого.

Собаки скакали, ужами вились вокруг. Ангус, прыгнув к хозяину на колени, ткнулся мокрым, холодным носом в лицо, облизал перепачканные мерзкой горечью губы, но Джуду даже не хватило сил отпихнуть его прочь. Куда более осторожная Бон, встревоженно покосившись на Джуда, опустила морду, украдкой принялась лакать жидкую блевотину, растекшуюся по полу.

Ухватив Джорджию за запястье, Джуд приподнялся, но ослабшие ноги не слушались, и Джорджия, увлекаемая его тяжестью, осела на пол с ним вместе. «Мертвый тащит живущего книзу», – мелькнуло сквозь туман в голове.

Дрожащая всем телом, Джорджия прижалась мокрой щекой к его шее.

– Джуд, – выдохнула она. – Джуд, понять не могу: что с тобой происходит?

Ответить ей Джуд не сумел: горло перехватило. Минуту, не меньше, молча глядел он на черный «Мустанг», подрагивавший, словно от нетерпения, словно с трудом сдерживая рвущуюся наружу мощь двигателя на холостых оборотах.

– Я ведь за мертвого тебя приняла, – продолжала Джорджия. – Поначалу, когда схватила за руку. Ну, думаю, все, приехали. Ты зачем запер ворота и мотор завел?

– Так… так просто.

– Из-за меня? Это я тебя довела?

– О чем ты?

– Не знаю, – всхлипнув, ответила Джорджия. – Не мог же ты просто так уйти в сарай, чтоб с жизнью покончить.

Встав на колени, Джуд обнаружил, что все еще сжимает в руке ее тоненькое запястье, и дотянулся свободной рукой до другого. Черные волосы Джорджии парили в воздухе над головой беспорядочной мягкой копной, челка лезла

в глаза.

– Кое-что не так, это точно, но с собой кончать я вовсе не собирался. Сел в машину, послушать музыку да поразмыслить минутку-другую, но двигатель не заводил. Он… сам завелся.

Джорджия раздраженно высвободила запястье.

– Прекрати.

– Это все он. Мертвец.

– Прекрати. Прекрати же!

– Призрак из коридора. Я снова видел его, сидящим рядом, в машине. Он «Мустанг» и завел или мне внушил, чтобы я, сам того не заметив, повернул ключ дальше…

– Послушай себя! Ты вправду не понимаешь, какую шизу гонишь?

– Ладно, допустим, я шизанулся, но с Дэнни как быть? Дэнни его тоже видел, потому и уехал. Не выдержал и… сбежал.

Джорджия, не сводя с Джуда ясных, блестящих за мягкими, волнистыми прядями челки глаз, в испуге подняла брови, ошеломленно, будто не веря ушам, покачала головой.

– Идем отсюда, – со вздохом сказал Джуд. – Помоги встать.

Подхваченный Джорджией под мышки, он кое-как поднялся, однако колени, точно ослабшие, утратившие всю упругость пружины, не держали, и все тут. Не успел Джуд сделать и шагу, как его качнуло вперед. Вскинув руки, выставив перед собою ладони, он едва успел ухватиться за разогревшийся капот «Мустанга».

– Заглуши машину, – велел он Джорджии. – И ключи с собой прихвати.

Джорджия подобрала с земли пыльник, выпавший из машины вместе с Джудом, швырнула его на водительское сиденье, закашлялась, замахала перед носом ладонью, разгоняя пелену выхлопа, забралась в кабину и заглушила мотор. В сарае сделалось тихо – неожиданно, пугающе тихо.

Оробевшая, Бон прижалась к ногам Джуда, да так, что у него едва не подогнулись колени.

– Да отвяжись ты, – буркнул Джуд, раздраженно отпихнув собаку и отвесив ей пинка под зад.

Бон, заскулив, отскочила подальше.

– За что ты ее? – возмутилась Джорджия. – Они тебе жизнь спасли, а ты…

– С чего ты так думаешь?

– Ты их разве не слышал? Я пришла сюда, чтоб им глотки заткнуть. Такую истерику подняли!

Немедля пожалев, что пнул Бон, Джуд огляделся, не здесь ли она, не удастся ли дотянуться, погладить ее, однако Бон, отступившая в глубину сарая, расхаживала из стороны в сторону сквозь полумрак, не сводя с него мрачного, укоризненного взгляда. Тогда Джуд вспомнил об Ангусе, обернулся и обнаружил его на пороге. Стоя в воротах, спиной к нему с Джорджией, задрав хвост трубой, пес пристально глядел вдаль, на подъездную дорожку.

– Куда это он смотрит? – спросила Джорджия.

На редкость глупый вопрос. Джуд представления не имел, что Ангус мог там углядеть: он ведь по-прежнему стоял, опершись о капот «Мустанга», и двора за воротами не видел.

Джорджия сунула ключи в карман черных джинсов. По ходу дела она успела не только одеться, но и забинтовать большой палец правой руки. Проскользнув мимо Джуда, она подошла к Ангусу, остановилась рядом, погладила пса по спине, взглянула на подъездную дорожку и обернулась к Джуду.

– И что там? – спросил Джуд.

– Ничего, – ответила Джорджия, прижав правую руку к груди и поморщившись, будто от боли. – Тебе помочь?

– Сам справлюсь, – проворчал Джуд и оттолкнулся от капота «Мустанга».

В голове, позади глазных яблок, неспешно росла, набирала силу тупая, черная, давящая боль, грозящая обернуться страшнейшей мигренью всех времен и народов.

Доковыляв до огромных раздвижных ворот, он тоже остановился рядом с Ангусом, по другую сторону от Джорджии, и взглянул вдоль заледеневшей подъездной дорожки, ведущей к воротам фермы. В небесах прояснялось. Густая, плотная пелена серых туч поредела, сквозь прорехи нет-нет да проглядывало солнце.

С обочины шоссе на Джуда взирал мертвец в черной шляпе-федоре. Появился он всего лишь на миг, когда солнце зашло за тучу и обочину укрыла тень. Как только краешек солнца выглянул из-за тучи, Крэддок, подернувшись рябью, скрылся из виду. Вначале исчезли голова и ладони, так что на обочине остался только пустой черный костюм. Затем костюм исчез тоже, а еще миг спустя, когда солнце вновь спряталось за тучку, мертвец, зарябив в воздухе, появился снова.

Приподняв шляпу, он в странной, глумливой южной манере отвесил Джуду поклон. Солнечный свет то угасал, то вспыхивал, и мертвец то появлялся, то исчезал – моргал, будто сигналя что-то морзянкой.

– Джуд? – встревожилась Джорджия, и только тут Джуд осознал, что смотрит в сторону ворот точно так же, как Ангус. – Джуд, что там?

Стало быть, Крэддока она не видит…

– Нет, – отвечал Джуд. – Нет, ничего.

Мертвец помаячил на обочине еще где-то полсекунды, а после ветер усилился, разорвал тучи, точно грязную овечью шерсть, и солнце в вышине засияло вовсю. Шоссе озарилось ровным, ярким солнечным светом, после чего мертвец исчез и больше уже не появлялся.

15

Джорджия отвела Джуда в фонотеку на первом этаже. Ее руки вокруг пояса, поддерживавшей и направлявшей его по дороге, Джуд не замечал, пока рука не соскользнула с талии. Доковыляв до зеленого, оттенка лесного мха, дивана, он рухнул на него пластом и тут же уснул.

Вскоре он ненадолго проснулся, разбуженный Джорджией, укрывшей его пледом. Сквозь мутную рябь, застилавшую глаза, ее лицо казалось белесым кругом, блином, лишенным каких-либо черт, кроме темной линии рта да темных дыр вместо глаз.

Затем веки Джуда снова сомкнулись, будто налитые свинцом. Он и не помнил, когда еще так уставал. Сон неуклонно, неумолимо тянул в глубину, обволакивал мраком сознание, затмевал рассудок, но вдруг, по пути ко дну, перед глазами его снова возникло лицо Джорджии, точно такое же, каким Джуд только что его видел, и в голове забрезжила тревожная мысль: да ведь ее глаза спрятаны под беспорядочной черной мазней! Выходит, она мертва и теперь заодно с призраками?

С этой мыслью он что было сил устремился наверх, к яви, и, вынырнув из глубин сна, снова чуть приоткрыл глаза. Джорджия, стоя в дверях фонотеки, сжав крохотные белые ладошки в крохотные белые кулачки, глядела на него, и глаза ее оказались обычными, ее собственными.

На сердце разом сделалось куда легче, теплее… но ненадолго. В коридоре, за спиной Джорджии, маячил мертвец. Кожа его лица туго обтягивала шишковатые скулы, на обнаженных в улыбке зубах темнели бурые пятна табачной смолы.

Двигался Крэддок Макдермотт дергано, чередой стоп-кадров в натуральную величину. Вот его руки опущены по швам, но еще миг – и костлявые пальцы

ложатся Джорджии на плечо: длинные, пожелтевшие ногти загнуты на концах, перед глазами пляшут, подрагивают пучки черных линий…

…и время прыгает дальше. Теперь правая рука Крэддока поднята в воздух высоко над головой Джорджии. Из мертвых пальцев выпадает, тянется вниз золотая цепочка с маятником на конце. Кривое трехдюймовое лезвие, серебристой вспышкой рассекшее полумрак, поблескивает, слегка покачивается перед глазами Джорджии, а та завороженно, не отводя взгляда, смотрит прямо на него.

Еще стоп-кадр, еще скачок в недалекое будущее, и Крэддок замирает, склонившись вперед, тянет губы к самому уху Джорджии. Губами не шевелит, однако до Джуда явственно доносится его шепот – с таким же легким, шипящим посвистом правят лезвие ножа на ремне.

Охваченному тревогой Джуду захотелось окликнуть ее, закричать: берегись, мертвец тут, рядом, беги, беги поскорее, не слушай его… но изо рта, будто бы накрепко зашитого стальной проволокой, вырвался только глухой, прерывистый стон. Силы иссякли настолько, что даже глаз открытыми не удержишь; отяжелевшие веки сомкнулись сами собой. Как ни брыкался Джуд, как ни противился, незнакомая прежде слабость взяла свое. Снова ушел он вниз, в бездну сна, да так там и остался.

Однако Крэддок с бритвой-маятником поджидал его даже во сне. Теперь кривое лезвие на золотой цепочке покачивалось перед носом широкоскулого вьетнамца, совершенно голого, если не считать белой тряпки, повязанной вокруг талии, сидящего в жестком кресле посреди сырой, промозглой комнаты с голыми бетонными стенами. На выбритом темени вьетнамца поблескивали ярко-розовые кружки – следы ожогов, оставленных электродами.

Единственное окно выходило на залитый дождем двор, передний двор Джудова дома. Снаружи в окно, туманя стекло дыханием, глядели Ангус и Бон. Заливающиеся отчаянным лаем, собаки казались картинкой в телевизоре с громкостью, выкрученной до нуля: гавканья их Джуд не слышал.

Сам он, надеясь, что его не заметят, тихонько стоял в углу. Бритва перед блестящим от пота лицом завороженного блеском стали вьетнамца мерно

покачивалась туда-сюда.

– Суп этот был отравлен, – объявил Крэддок по-вьетнамски, однако Джуд, как всегда бывает во сне, понимал каждое его слово.

– А здесь – антидот, – продолжал Крэддок, указав в сторону исполинского шприца, покоящегося на дне черной коробки в форме сердечка возле широкого ножа-боуи с тефлоновой рукоятью. – Не мешкай, спасайся!

Вьетконговец схватил шприц и без колебаний вогнал огромную, дюймов пяти длиной, иголку в собственную шею.

Джуд, вздрогнув, отвернулся. Взгляд его естественным образом скользнул к окну. Собаки по-прежнему прыгали, скреблись в стекло, рвались внутрь, но снаружи не доносилось ни звука. За спинами Ангуса с Бон на качелях сидела Джорджия. Другой конец качающейся доски оседлала девчонка – совсем маленькая, русоволосая, босоногая, в симпатичном платьице в цветочек. Глаза Джорджии и девчонки закрывали черные повязки из какой-то легкой, воздушной ткани вроде траурного крепа. Светлые, желтоватые волосы девочки были небрежно собраны в хвост на затылке, лицо оставалось бесстрастным. Джуду девчонка сразу же показалась смутно знакомой, однако узнал он ее лишь после затяжных раздумий, а узнав, вздрогнул от неожиданности. Вместе с Джорджией на качелях – вверх-вниз, вверх-вниз – качалась Анна, только такая, какой была лет, наверное, в девять-десять.

– Я, пожалуй, попробую тебя выручить, – втолковывал пленному Крэддок, перейдя на английский. – Ты ведь в нешуточной беде, слышишь? Но я могу помочь тебе, только слушай как можно внимательнее. Не думай. Не размышляй. Просто слушай мой голос. Приходит ночь. Приходит нужное время.
С наступлением ночи мы включаем приемник, слушаем голос радио. Слушаем и исполняем, что нам оттуда скажут. Твоя голова – приемник, настроенный на единственную волну, волну моего голоса.

Джуд оглянулся, но Крэддока на прежнем месте не оказалось. На столе, возле которого он стоял всего минуту назад, красовалось старомодное радио с сияющей изумрудно-зеленым шкалой настройки – из него-то теперь и звучал голос Крэддока.

– Твой единственный шанс остаться в живых – сделать именно так, как я говорю. Сейчас ты не слышишь ничего, ничего, кроме моего голоса.

Этакий поворот дела пришелся Джуду не по душе настолько, что похолодело в груди. Стряхнув оцепенение, он в три шага пересек комнату и остановился у стола. Избавиться, избавить их всех от голоса Крэддока… С этой мыслью Джуд ухватился за шнур приемника, подключенный к розетке в стене, и дернул что было сил. Раздался громкий треск, вспышка электрического разряда обожгла руку. Шарахнувшись прочь, Джуд отшвырнул шнур в сторону, на пол, однако приемник как ни в чем не бывало продолжал трескотню:

– Что ж, вот ночь и настала. Вот и настало время. Видишь нож там, в коробке? Можешь взять его. Он твой. Бери же. С днем рождения, дорогой мой.

Вьетконговец, не без любопытства заглянув в коробку в форме сердечка, вынул из нее боуи, повертел его так и этак. Клинок ножа ярко сверкнул в лучах солнца.

Джуд, повернувшись к столу, окинул взглядом лицевую панель приемника. Правая кисть, до сих пор ноющая после удара током, онемела, слушалась плоховато. Кнопки «вкл./выкл.» на панели не нашлось, и тогда Джуд, в надежде хоть так заглушить голос Крэддока, повернул ручку настройки. Раздавшийся из динамика шум вначале показался ему треском помех, но тут же превратился в мерный, атональный, хоровой гул тысячи голосов.

– Ну, сегодня крученый с двенадцати на шесть в исполнении Стоттлмайра действует на всех вокруг просто-таки гипнотически, и Тони Конильяро в ауте! – затараторил приемник тоном этакого всезнайки, тертого парня, свойственным радиодикторам пятидесятых. – Кое-кто из вас, надо думать, слыхал, будто человека даже под гипнозом нипочем не заставишь сделать то, чего он делать не хочет. Но это, сами видите, вовсе не так: всякому ясно, что Тони Си наверняка совсем не хотелось отбивать последнюю подачу[28 - Речь об игре в бейсбол. По сути, бейсбол – противостояние питчера (подающего) и бэттера (отбивающего). За попытку отбить мяч, пущенный мимо т. н. страйк-зоны, отбивающий получает штрафное очко (страйк), а набрав три страйка, выбывает из игры, что и описывает комментатор.], а вот поди ж ты! Нет, нет, гипноз позволяет принудить человека к любой мерзости, к любой жути, только подход нужен правильный. Позвольте объяснить вам, о чем я, на примере нашего друга Джонни Желтопузика. Джонни, пальцы твоей правой руки – ядовитые змеи. Берегись, как бы не укусили!

Вьетконговец в ужасе отпрянул назад, вжался спиной в спинку кресла, раздул ноздри, сузил глаза, решительно, яростно стиснул зубы. Джуд, скрипнув подошвой об пол, повернулся к нему, чтоб закричать: «Стой! Остановись!» – но, прежде чем он успел издать хоть звук, нож в руке пленного вьетнамца резко, с хрустом опустился вниз.

Отсеченные пальцы попадали на пол, только то были уже не пальцы – змеиные головы в черной лоснящейся чешуе. Вьетконговец даже не вскрикнул. Миндально-смуглое его лицо расплылось в триумфальной улыбке, и с этой улыбкой он гордо вскинул над головой правую кисть, заливая плечо и подмышку ручьями хлещущей из обрубков крови.

– Этот чудовищный акт членовредительства вы могли лицезреть благодаря любезности компании «Мокси»! Если вы еще не пробовали «Мокси»[29 - Один из первых безалкогольных газированных напитков в США, отличающийся характерной горечью вкуса, так как в его состав входит экстракт корня горечавки, растения, использовавшегося в качестве лечебного со времен Древнего Египта.], самое время собраться с духом и выяснить, отчего Микки Мэнтл[30 - Известный профессиональный бейсболист, трижды удостоенный титула «Самый ценный игрок Американской лиги».] говорит, будто их газировка – просто высший класс! Итак, игра, можно сказать, сделана, и…

Джуд отвернулся и, спотыкаясь, бросился к двери. К горлу вновь подступила мерзкая горечь, на выдохе в нос шибануло тухлой вонью блевотины. Взгляд его мимоходом скользнул по окну. Качели за оконным стеклом по-прежнему покачивались вверх-вниз, но на доске никого уже не было. Собаки спали, растянувшись в траве на боку.

Толкнув дверь, Джуд с грохотом одолел пару кривых дощатых ступеней и оказался на пыльном заднем дворе отцовской фермы. Отец, сидя на камне спиной к нему, правил на черном ремне опасную бритву. Скользя по коже, сталь лезвия шелестела, шептала в точности тем же голосом, что и мертвец, а может, наоборот, в шепоте мертвеца слышался шелест стали о кожу – этого Джуд наверняка сказать больше не мог. В траве у ног Мартина Ковзински стояла стальная лохань с водой, а на воде покачивалась черная шляпа-федора. Шляпа в лохани внушала такой ужас, что при виде нее Джуд с трудом сдержал крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Названия всех четырех частей повторяют названия песен популярных рок-групп: «Black Dog» (гр. «Led Zeppelin»), «Ride On» (гр. «AC/DC»), «Hurt» (гр. «Nine Inch Nails») и «Alive» (гр. «Pearl Jam»). Сам роман также назван в честь песни группы «Nirvana», «Heart-Shaped Box». (Здесь и далее – прим. переводчика.)

2

Американский певец и композитор-песенник, один из самых известных в США XX века исполнителей кантри.

3

Сибирская язва (англ.).

4

Тухлятина (англ.).

5

Ощущение постоянного шума в ушах, часто следствие долгого воздействия слишком громкого звука.

6

«I Hate Myself and I Want to Die» (англ.).

7

Соответствует 46-му в российской размерной таблице.

8

Известный американский фолк-музыкант, автор и исполнитель песен в спокойной, задушевной манере.

9

«Dobro» (англ.) – шестиструнная акустическая гитара, отличающаяся от обычной металлическим резонатором.

10

В период расцвета трудовые коммуны «Объединенного сообщества верующих во Второе Пришествие Христа», в просторечии – шейкеров (трясунов), разработали и производили мебель особого стиля, славившуюся надежностью, функциональностью и простотой. В частности, одним из них было изобретено кресло с особым устройством задних ножек, позволявшим сидящему откинуться назад, не царапая ножками кресла пол. В наше время шейкерская мебель хранится во многих музеях и частных коллекциях.

11

По Фаренгейту – то есть примерно до +10° по шкале Цельсия.

12

Пирожные с кремовой начинкой, очень популярные в США.

13

Известный американский автор-исполнитель, работавший в жанрах кантри и фолк.

14

Популярная в США сеть кофеен, специализирующихся на кофе и пончиках.

15

Имеется в виду Фрэнк Фразетта, американский художник, иллюстратор и автор комиксов, один из общепризнанных классиков жанра, сотрудничавший также в популярном журнале «Крипи» («Creepy»), специализировавшемся на комиксах в жанре ужасов.

16

Имеются в виду «Lynyrd Skynyrd», американская рок-группа, одни из самых видных исполнителей «южного рока» 1970-х.

17

Дом священника в Борли, славящийся множеством наблюдавшихся в нем паранормальных явлений, в том числе появлений призраков.

18

На американском армейском жаргоне – письмо солдату от невесты или жены, сообщающей, что уходит к другому.

19

Одна из самых популярных, старейших в США марок фломастеров. Волшебными они были названы из-за возможности рисовать почти на любой поверхности.

20

Пентюх, деревенщина, неграмотный фермер, как правило, с юга США (амер. англ.).

21

Еще одна популярная в США марка фломастеров различного назначения.

22

Международная социальная сеть, одно время – самая популярная в США и во всем мире.

23

Известный американский актер и кинорежиссер XX в., лауреат премии «Оскар», семь раз избранный президентом Гильдии киноактеров.

24

В американском футболе – игрок, специализирующийся на приеме паса, после чего должен как можно дальше вырваться вперед, набрав максимальное количество ярдов.

25

То есть «крэддокм@коробка. чулан. net».

26

Имеется в виду песня Джона Леннона и Пола Маккартни «I Am the Walrus» («Я – Морж»).

27

Территория трех штатов, объединенная каким-либо крупным городом (например, Нью-Йоркская агломерация, охватывающая большую часть штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут).

28

Речь об игре в бейсбол. По сути, бейсбол – противостояние питчера (подающего) и бэттера (отбивающего). За попытку отбить мяч, пущенный мимо т. н. страйк-зоны, отбивающий получает штрафное очко (страйк), а набрав три страйка,

выбывает из игры, что и описывает комментатор.

29

Один из первых безалкогольных газированных напитков в США, отличающийся характерной горечью вкуса, так как в его состав входит экстракт корня горечавки, растения, использовавшегося в качестве лечебного со времен Древнего Египта.

30

Известный профессиональный бейсболист, трижды удостоенный титула «Самый ценный игрок Американской лиги».

Купить: https://tellnovel.com/dzho-hill/korobka-v-forme-serdca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити